

Московская школа политических исследований

Андрей Никитин
ПЕРМЬ – РОДИНА
РОССИЙСКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА

Москва 2004
Московская школа
политических исследований

ББК 66.3(2Рос)6
Н 62

Издание осуществлено при поддержке Совместной программы Совета Европы и Европейской Комиссии.

Никитин А.

Н 62 Пермь — родина российского либерализма. — М.: «Московская школа политических исследований». 2004. — 136 с.

Почему Пермь — промышленный и культурный центр Прикамья, но еще и «столица» ссыльного края в недавнем прошлом — приобрела репутацию российского ядра гражданских инициатив? Как многочисленные здесь гражданские объединения не просто декларируют, но отстаивают в рутинной работе личные права и свободы пермяков? Что предпринимается в городе для преодоления конфликта специфических интересов в триаде общество — власть — бизнес? Какие формы приобретают диалог и взаимодействие представителей частей этой триады и каковы допустимые границы компромисса между ними? Об этом книга пермского журналиста.

ББК 66.3(Рос)6

© «Московская школа
политических исследований»,
2004
© Никитин А., 2004

ISBN 5-93895-059-7

В одной из главок этой небольшой книги ее автор Андрей Игоревич Никитин пишет: как-то президент Международной конфедерации обществ защиты прав потребителей Александр Аузан обронил в Перми фразу: «У нас в Москве популярна формула: если географической столицей России является Москва, культурной — Петербург, то столица гражданского общества — Пермь».

Действительно, то ли вовремя собрались нужные люди в нужном месте, то ли сработала историческая традиция, но так уж вышло, что Пермь оказалась выдвинута нашей новейшей историей в лидеры гражданских инициатив.

Московская школа политических исследований неоднократно проводила в этом городе свои семинары и всегда встречала теплый прием. У Школы в Перми мно-

го друзей и выпускников, которых автор упоминает и на этих страницах.

Андрей Никитин родился в 1958 году в г. Оханске Пермской области. Окончил химический факультет Пермского госуниверситета, после чего был направлен по распределению в г. Березники Пермской области, где работал инженером в НИИ.

После возвращения в Пермь был сменным мастером в гальваническом цехе предприятия «Моторостроитель», затем корреспондентом многотиражки того же завода. Поступил учиться на заочный факультет журналистики Уральского университета, который окончил в 1991 году.

Работал в региональных газетах «Молодая гвардия», «Звезда», «Пермские новости» — в последние несколько лет главным редактором. Был собкором центральных газет «Пролог» (российская газета независимых профсоюзов), «Комсомольская правда», «Известия».

Писал материалы из «горячих точек» России и бывшего пространства СССР.

Ю.П. Сенокосов

Пермь как текст*

Что есть Пермь на глобусе и на карте нашей страны, чем и как она вписана в ее историю, экономику, географию — это, если хотите, большая загадка.

Нынешнее восприятие нашей истории услужливо подсказывает, что Пермь была дырой и местом ссылки, которую как-то так, проездом или по касательной, миновали в свое время Радищев, Герцен, Чехов; на севере губернии, в Чердыни, выбросился из окна больницы и сломал ногу Мандельштам; недолго пробыл в этих краях и Пастернак, после чего поместил доктора Живаго в город Юрятин, весьма напоминающий Пермь.

Красочное издание 30-летней давности в качестве знаковых (культовых) объектов (субъектов) Пермской области называло Кунгурскую ледяную пещеру, балерину

* Заголовок заимствован из названия культурологического эссе профессора Владимира Абашева.

Надю Павлову и пермскую деревянную скульптуру. В общем, понятно: природа, искусство, культура. Потом шел мощный промышленный потенциал, наука — короче весь набор достижений развитого социализма.

Мощный промышленный потенциал (Пермь рождалась рядом с медеплавильным заводом 280 лет назад) и социализм сделали из региона опорный край державы: крупнейший в России авиамоторный завод, химические предприятия — «Республика химии» по Паустовскому, машиностроение — то есть самая что ни на есть «оборонка» — Министерство среднего машиностроения. До перестройки Пермь — один из немногих миллионников Союза — была закрытым городом. Что такое закрытый город — для тех, кто трудился на так называемых «почтовых ящиках», работавших сугубо на «оборонку», понятно. Что такое закрытый город-миллионник, уразуметь сложно. Разве что с помощью метафоры. Например, такой: двойной железный занавес.

При недоразвитом капитализме, когда город уже открыли (это случилось в начале 90-х), обнаружилось, что гордиться остается разве что природой, наполовину загубленной промышленным потенциалом. Добавьте к вышеупомянутому потенциалу нефть и лес, и все будет понятно. Поскольку вдруг обнаружилось, что в Пермской области в два раза меньше студентов на 1000 жителей, чем в Орловской и Рязанской областях... И меньше интеллигенции на те же 1000 жителей, чем в целом по России.

Сейчас Пермь — это знаменитая деревенька Молебка, с ее тарелками, инопланетянами и прочими чудесами. Это баскетбол и «Урал-Грейт», родившийся из бизнеса и вместе с бизнесом могущий угаснуть. Это «Белый лебедь» — колония в Соликамске, где упокоился терро-

рист номер один, Салман Радуев. И еще Пермь, как ни странно, — гражданское общество. Странно?..

Странно, что лишь в конце прошлого века вспомнилось, что Пермь — это еще и родина знаменитого мецената Сергея Дягилева, одного из родоначальников российского либерализма и оппонента Ленина Петра Струве, а также писателя Михаила Осоргина. До недавнего времени имена этих людей были более популярны на Западе, чем в России.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944). Родился в Перми в семье пермского губернатора. Яркий представитель русской общественной мысли, экономист, философ, историк, журналист, писатель. Блестящий ученый, получивший признание как среди соотечественников, став в мае 1917 года действительным членом Российской Академии наук, так и международное: удостоен почетной степени доктора Кембриджского и Софийского университетов. Крупнейший идеолог либерализма в России, один из основателей первой российской либеральной партии — партии кадетов (1905).

Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942). Родился в Перми, где прошли его детские и юношеские годы. Выдающийся писатель русского зарубежья, журналист, общественный деятель и публицист. Пермскому краю посвящены многие литературные произведения Осоргина. Участвовал в революционном движении. Создатель Союза журналистов России и один из организаторов Союза писателей России. В 1922 году был выслан из страны на знаменитом «философском пароходе». Является ярким представителем русской либеральной мысли XX века.

По роковой воле судьбы они нашли пристанище во Франции, и странно, что Пермь — побратим американ-

ского Луисвилля, а не Парижа. Впрочем, именно американский ученый Ричард Пайпс, профессор русской истории Гарвардского университета, бывший советник президента США по вопросам Советского Союза, написал двухтомную биографию Струве — самое подробное исследование российского либерализма вековой давности.

Назад к капитализму

Давным-давно, лет десять назад, ну, быть может, чуть больше — когда словосочетание «гражданское общество» считалось в России почти что новоязом, а о том, как строить капитализм в отдельно взятой стране, было ведомо разве что Егору Гайдару, — автор этих строк написал в очень демократической местной газете маленький, но, разумеется, гениальный публицистический текст. Тогда еще начинающий публицист был весьма озабочен начинающимся процессом «криминализации экономики», приводя в качестве аргумента описанные в мировой художественной литературе некоторые из основных свойств капитализма, как то: дикий, захватнический, преступный — особенно в ранней своей стадии, при накоплении первоначального капитала. Но, рассуждая, обсуждая и осуждая этот процесс, автор в легком недоумении остановился перед вечным вопросом российской интеллигенции: «Чего делать-то?»

Впрочем, спустя некоторое непродолжительное время все еще недоумевающий автор не без чувства глубокого внутреннего удовлетворения (а ведь попал, мол) прочитал в одной тоже очень демократической, но уже центральной газете публицистические размышления другого, не менее гениального автора о том же самом. Старший товарищ по перу, в отличие от провинциального журналиста, нашел вразумительный и оригинальный ответ на вечный вопрос: «Если нас грабят и обманывают и если это неизбежно, то пусть хотя бы грабят нас побыстрее». В том смысле, что после обязательно все переменится к лучшему.

Кстати, небольшое отступление по поводу строительства капитализма в отдельно взятой стране — России. Если верить классикам марксизма насчет смены общественно-политических формаций (по крайней мере, до капитализма включительно), то совершенно непонятно, каким образом можно перейти от социализма к капитализму. Эксперимент с переходом от феодализма к социализму, перешагивая через целый период, мы уже проходили на примере ряда республик бывшего СССР, которые, став свободными, собираются, судя по всему, строить капитализм, заботливо сохраняя родимые пятна феодализма. А нам, россиянам, выходит, действительно уготован особый путь, тем паче что мы из руин так и не построенного социализма собираемся возводить даже не капиталистическое, а сразу постиндустриальное общество. Со всеми его достижениями и завоеваниями.

Лет десять назад, по глубокому убеждению автора этих строк, даже тем продвинутым, которые понимали, что сейчас полным ходом начнется развитие капитализма в России, — даже им, по крайней мере в большин-

стве своем, было невдомек, что главным и, если хотите, обязательным условием перехода к постиндустриализму является так называемое гражданское общество. Более того, автор был убежден, что и само общество тоже не догадывалось, что ему предстоит становиться гражданским.

Исключительное неисключение

Э то мы сейчас начинаем спорить: тем ли путем шли после перестройки? В экономике, в политике, во внешних и внутренних отношениях. Постоянно сомневаемся, пересматриваем что-то... Только в плане демократизации и гласности — почти нет споров. Надо так надо. И Горбачев, и Ельцин тут преуспели.

Вопросы, правда, есть. К тем же лидерам и инициаторам. Одному, например, про Грузию 89-го и Литву 91-го. Второму — про Беловежскую Пущу в 91-м и расстрел Белого дома в 93-м.

Собственно, и до перестройки существовали в стране развитого социализма какие-то гражданские институты. Профсоюзы — «школа коммунизма», советы — политическое «творчество масс», добровольная народная дружина, общество трезвости...

Пермь в этом смысле не была исключением. Знаменитый анекдот про «город-герой», в котором второй год

мяса нет, а они все еще копошатся», с мазохистской гордостью рассказываемый тогда в пермских очередях, наверняка с не меньшей гордостью рассказывали в тысячах очередях в сотнях других советских городов.

Не стала Пермь исключением и в постперестроечный период. Ну, разве что не так бурно здесь шагала перестройка, а как-то спокойно, почти без скандалов — скучно даже. Без яростных революционных противостояний народа и власти. Ни в 91-м, ни в 93-м. Исключение — знаменитые табачные бунты начала 90-х, когда мужики, оторванные от никотина, перекрывали улицы. Так ведь к ним (что удивительно, по собственной инициативе) вышел тогдашний мэр Владимир Филь (сам, кстати, курящий), и вроде как все утихомирилось.

Впрочем, все это можно трактовать по-разному. Большинство местных журналистов именовали и именуяют Пермь политическим болотом. Заезжие же политики отмечают спокойствие Прикамья как достижение и называют его стабильностью.

Может быть, такой вывод основан на ощущениях, однако чем-то Пермь по ощущениям этим все же отличалась от других нестолиц. Отличие, впрочем, имело свои корни, истоки. Но об этом чуть позже.

Рутинное ноу-хау

Итак, лет десять назад, или чуть меньше, в Пермь вернулся бывший «неформал» Игорь Аверкиев, которому «перестройка» не дала возможности стать диссидентом. Аверкиев вернулся, вдоволь насытившись участием в бурной политической жизни страны, а вернее, столицы, где он занимал весьма значительный пост в довольно популярной по тем временам политтусовке — был лидером Российской социал-демократической партии.

Возвращение «неформала» осталось не замеченным политической и прочей (впрочем, прочая еще только формировалась) элитой Прикамья. Совсем не то было бы, если б, например, сейчас обратно в Пермь приехал из столицы бывший спикер законодательного собрания области, бывший председатель одного из комитетов Совета Федерации и бывший министр одного из многочисленных российских правительств предпоследнего

времени Евгений Сапиро. Хотя справедливости ради надо отметить, что уже в тот момент и Сапиро, и Аверкиева можно было смело ставить в первую шеренгу тех, кто адекватно осмысливал происходившие процессы, более того, пытался найти в них свое место и даже играть в свою игру. Таких людей (по крайней мере, в Прикамье) легко было по пальцам пересчитать. Ведь именно тогда появились неизбежные при капитализме «олигархи» местного разлива. С адекватностью у них, правда, были проблемы, но что касается «участия» во власти, то с этим все было в порядке. Тем более что о принципе «равноудаленности» в то время еще никто даже не слышал.

И вот в 1994 году Аверкиев зарегистрировал Пермский региональный правозащитный центр. Позже он чистосердечно признавался, что никаких особенных мыслей о том, что создаваемое им детище — один из первых кирпичиков в строительстве гражданского общества, у него не было. Впрочем, одно он знал твердо: демократия (слово «либерализм» тогда еще не вошло в обязательное тусовочное употребление) не может существовать без политики — той самой, которой он уже «наелся» и которая по определению грязное дело, — а также без профсоюзов, самодеятельных организаций, без правозащиты, наконец.

Кстати, поначалу бывший «неформал» намеревался создать классический профсоюз, прекрасно понимая, что развитие капитализма в России неминуемо должно привести (уже приводило) к активизации рабочего движения и борьбе за свои еще не осознаваемые до конца права. Но так вышло, что занялся он правозащитой. Почти случайно. В стране как раз начинали работать зарубежные фонды, искавшие, куда приложить свои силы,

вернее средства, — тут и подвернулся Аверкиев, который к тому времени, по его собственному утверждению, был не в теме, не в тусовке и не видел живьем ни одного настоящего правозащитника.

Но Аверкиев уже видел, что создаваемый им центр будет заниматься нудным неблагодарным рутинным делом. Рутинка — это была его идефикс. Это был принцип. После соприкосновения с политической жизнью страны он интуитивно осознал, что хватит уже общих слов, глобальных решений и красиво выстроенных позиций. Что надо возиться с самым что ни на есть конкретным человеком, точнее — с личностью.

Люди, знавшие Аверкиева как человека с головой и, в соответствии с этим, не без перспектив, не лишённого амбиций, долго не могли понять: зачем ему эта возня нужна? А вот коллеги-правозащитники из столицы и других регионов его ноу-хау насчет рутины оценили как весьма достойное тиражирование.

Сейчас этот и, наверное, многие другие принципы, о которых речь дальше, кажутся банальными, но в ту пору они были отнюдь не очевидны. Люди, пережившие эпоху «развитого социализма», создавали и капитализм, и кирпичики-ячейки гражданского общества в первый раз, причем — сразу на чистовике.

Пермь — столица нашей Родины (1-я экспертная оценка)

Прошло еще сколько-то лет, и легендарная Лена Немировская, приехавшая в Пермь, чтобы провести очередной семинар своей Московской школы политических исследований, назвала этот город наряду с Тверью и Архангельском родиной русского либерализма. Имея в виду, разумеется, не столько век нынешний, сколько начало прошлого. И даже не только Петра Струве и Михаила Осоргина, родившихся здесь, а давние традиции пермского управления, пермского купечества и пермского общества вообще, со всеми его атрибутами гражданственности: массой свободной и независимой прессы, всяческими неформальными — вплоть до масонов — сообществами, почитанием судебной власти и уважением частной собственности. Когда отец Струве был губернатором, а отец Осоргина служил членом окружного суда. И автор поверил Немировской.

А вскоре, после Гражданского форума, триумфально отметившегося осенью 2001 года в столице, в Пермь приехали представители московской и петербургской Народной ассамблеи — то есть самые главные строители гражданского общества. Приехали, дабы обменяться опытом и договориться, как строить гражданское общество дальше. И президент Международной конфедерации обществ защиты прав потребителей Александр Аузан на вопрос «почему Пермь?» отвечал:

— У нас в Москве популярна формула: если географическая столица России Москва, культурная — Петербург, то столица гражданского общества — Пермь. И это объективная оценка. По спектру организаций и по уровню гражданских проектов Пермь — действительно лидер.

И автор этих строк не мог не поверить также и уважаемому Азуану, тем более что и москвичи, и питерцы действительно приняли в Перми дальнейшую программу действий, назвав ее Пермской декларацией.

Затем во время форума Клуба региональной журналистики автору довелось пообщаться с тогдашним первым заместителем министра Минэкономразвития Михаилом Дмитриевым. При этом крупный чиновник убеждал автора, что необходимо скорейшими темпами создавать гражданское общество, которое обязано контролировать власть и существенно ограничить свободу действий государственной машины. Автор и Дмитриеву поверил, тем более что чиновник, казалось бы не имеющий никаких разумных мотивов для пропаганды убийственной (или, по крайней мере, членовредительской) для государственной машины идеи гражданского общества, оказался прекрасно осведомлен о гражданских инициативах пермяков и достаточно высоко их оценивал.

И как тут не поверить, если даже самые высокие пермские чиновники уже готовы к сотрудничеству, ну хорошо — пусть к диалогу с правозащитниками, возьмем шире — с пермской общественностью. Хотя еще два-три года назад эти самые власти дружно и согласованно «прокатили» того же Аверкиева во время демократичнейшей процедуры назначения уполномоченного по правам человека в Пермской области. Кстати, и саму идею создания института уполномоченного в Прикамье, и проект соответствующего областного закона представили власти именно пермские правозащитники... Но не любит власть таких, как Аверкиев, никогда не любила и не полюбит. И это правильно, потому что в нормальном гражданском обществе так и должно быть. Не любите, но извольте договариваться.

Разгосударствление мысли

Появление точек возмущения, возникновение незапланированных инициатив и непуганых инициаторов свидетельствует, что в России вместе с приватизацией, то есть разгосударствлением собственности, происходит разгосударствление мысли. Народ, бесконечно обязанный императорам и генеральным секретарям (за то, что они лучше его самого знали его чаяния и заботились о нем, забитом, и оберегали как могли, и мыслили, соответственно, за него), вечно и безальтернативно обязанный кому-то, начинает просыпаться. Не для того, чтобы «до основанья, а затем...», а в смысле «мыслить». Ибо когда мы начинаем мыслить самостоятельно, начинается происходить переоценка. Хотя вслед за разгосударствлением мысли вовсе не обязательно ожидать действия. По крайней мере, не от каждого.

Есть, однако, в обществе три субъекта, от которых мы не только вправе, а должны ожидать адекватных

действий. Это разрозненная сегодня триада: власть, бизнес и гражданское общество. К каждому из них претензий выше крыши, но именно от их взаимоотношений зависит будущее России.

Объективно все три названных института имеют свои интересы, противоречащие друг другу. Власть — расширить и укрепить свое влияние. Бизнес — ослабить любой контроль над своей деятельностью. Общество — добиться независимости от первых двух. При этом нормальное развитие власти и бизнеса невозможно без нормального и свободного развития общества — как посредника, цензора, надсмотрщика, регулятора, главного заказчика услуг и их потребителя, наконец.

Своеобразно выглядит наша триада в деле ЮКОСа. Не оттого ли дело это тянется так долго и непрозрачно (по крайней мере, на момент создания рукописи), что по большому счету действующих в нем сил две. Государство — или некие силы, его олицетворяющие, и бизнес — вернее часть его, представленная крупными бизнесменами. Позиция общества как третьей силы весьма неоднородна. Та часть его, которая именует себя гражданской, как то: мелкий и средний бизнес, часть правозащитных организаций — выражает сочувствие «пострадавшим». Та же часть общества, которая представлена радикалами, плюс так называемое общественное мнение, по данным социологических опросов, — на стороне государства.

А ведь разгосударствление мысли — это не столько просто уход из-под идеологической «крыши» государства, сколько осознание себя активным членом сообщества, даже если это сообщество нудистов или знатоков творчества Ильфа и Петрова.

Три прививки

Для того чтобы разгосударствление мысли случилось — а оно не может происходить всюду одновременно — нужна подготовительная работа, которая легче и быстрее идет, если есть соответствующий исторический фон, духовная основа, традиция. В Перми — так уж вышло — эти сопутствующие гражданскому обществу обстоятельства сложились раньше и проявились отчетливее, нежели во многих иных городах и весях.

Почему-то хочется уподобить их прививкам. И не столько «ОТ...» (страха, эгоизма, ограниченности, жлобства, авторитарности, цинизма и прочих проявлений несвободы), сколько «ДЛЯ...» (гражданской активности, уважения иного мнения, готовности к диалогу, осознания свободы как высшей ценности).

Первая прививка — собственно историческая. Объясняющая, с чего вдруг Пермь начали называть родиной либерализма. Почему особенно интересно именно сейчас

изучать творчество Петра Струве и Михаила Осоргина, которым суждено было родиться в Перми и напитаться здесь здоровым провинциальным духом. Потому что именно тогда они писали о том, что происходит сегодня в стране, в душе ее жителей, в провинции.

«Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом», — замечает Струве, удивительным образом воспроизводя сегодняшнюю ситуацию, как будто тот момент, когда он писал об этом, заботливо сохранили и перенесли в наше время.

После того как вернулось из забвения творчество забытых или недооцененных писателей прошлого века, как-то так скромно пришли к нам из Франции в том числе и книги Михаила Осоргина и в неизвестность уже не канули, цитируются все чаще и более. А история о том, как маленького Мишу несправедливо наказали и заперли в чулане, после чего он бесконечно полюбил свободу, ныне преподносится трактователями уже чуть ли ни как идейный исток российской либеральной мысли.

Впрочем... «не будь в моем детстве чулана, я мог бы сложить для себя из всех этих книжных кирпичей сносное жилище, пробив в нем окошечко с решеткой, и спокойно глядеть на мир, как смотрят многие отличные люди. Этого не случилось, и, когда муха бьется в стекло, я спешу отворить окно и помочь ей вылететь; и даже если это не муха, а комар, напившийся моей крови, — все равно! Не потому, что я такой милостивец, — я, может быть, прихлопну его ладонью прежде, чем он успеет меня укусить, жизни лишу, но свободы лишить не способен: свобода в триллион раз ценнее жизни, это я раз навсегда решил и за себя, и за комара!» Цитата-то и вправду и хороша, и уместна.

Как бы то ни было, и литератор Осоргин, и исторический деятель Струве таковую прививку, безусловно, получили. Видимо, воздух в Перми особенный.

Прививка вторая — назовем ее идеологической. В годы Великой Отечественной войны именно в Пермь шла эвакуация многих ленинградских предприятий, учреждений культуры, научных институтов. Так в Перми возникло знаменитое ныне хореографическое училище, давшее вторую жизнь не менее знаменитому Театру оперы и балета. Так Пермь обогатилась новыми наукоемкими заводами и НИИ, в том числе оборонными, требующими очень сильной технической интеллигенции. Так Пермь обогатилась людьми, мыслями, идеями, в том числе свободными, которые в Питере никогда не умирали.

Третья прививка — пенитенциарная, ибо исстари Прикамье считалось ссыльным краем. Можно даже сказать, элитарно-ссыльным. Относительно недавняя история, некоторые очевидцы и участники которой еще находятся (тьфу-тьфу) в добром здравии, — тому подтверждение. Речь о печально знаменитой последней (очень хочется в это верить) политической зоне «Пермь-36».

«Пермь-36», или Воспоминание об аде (нелирическое отступление)

Наверное, самое гнетущее впечатление оставляет посещение этого места поздней осенью и ранней весной. Здесь сидели: будущий посол Украины в Канаде Левко Лукьяненко; участвовавший в антифашистском подполье и переведивший на литовский «Архипелаг ГУЛАГ» Балис Гаяускас; нынешний редактор журнала «Москва» Леонид Бородин; несостоявшийся лауреат Нобелевской премии Василь Стус...

Теперь здесь — Мемориальный музей истории политических репрессий. Экскурсии для школьников. Уроки истории в Музее ГУЛАГа.

От города Чусового до этого места километров тридцать. Несколько деревень по пути: Темная, Кучино. Последняя — с полтора десятка дворов. Действительно последняя. Дальше пути нет. Здесь, на изгибе реки Чусовой, — зона. С приездом!

Политические приехали сюда в 1972 году. Раньше тут была обычная уголовная колония. Шестая лесная, созданная в 1946 году. Строили сами зеки по обычному принципу: сначала барак для охраны, потом барак для себя, затем — каменное здание штрафизолятора — ШИЗО. По степени важности.

Через некоторое время статус колонии повысили. Сюда перевели совершивших преступление стражей правопорядка — осужденных милиционеров, прокуроров... Уголовников, разумеется, вывезли. А зону стали называть «красной».

Затем «красных» сменили на особо опасных государственных преступников. Их этапировали из Мордовии, где условия для политических показались кому-то слишком мягкими. Здесь мягкостью не веяло. Здесь были леса, болота и жгучие ветра. В Чусовском районе разместили три политические зоны: ВС/389-35, -36, -37. В проселочном районе «Пермь-3», «Пермь-36», «Пермь-37».

Отделение строгого режима колонии «Пермь-36». Штаб. Теперь в нем офис музея. Единственное более-менее приличное сооружение. Остальные — в развалинах.

Последний уцелевший барак. Прежде барачников было четыре. На 200 осужденных каждый.

Стандартный срок отсидки на «строгой» — 7 лет. Плюс два года ссылки.

ШИЗО. Три камеры. Каждая на четырех наказанных. От одних до 15 суток. Стол, голые нары, параша. Почти «сервис» — в бараках удобства на улице. Горячая пища — раз в два дня. В правом крыле, за решеткой — помещения камерного типа. Для самых отъявленных нарушителей. Тоже четырехместные. Срок содержания — до по-

лугода. Дворик для прогулок. Один раз в день по часу. Бетонное покрытие. Два на два метра, с высоким забором по периметру.

После закрытия 36-й кому-то пришло в голову разместить в «строгаче» психоневрологический интернат. Правда, в отличие от предыдущих обитателей зоны новым постояльцам разрешается выходить в деревню. Прогуливающиеся вдоль колючей проволоки пациенты добавляют колорита. Можно только догадываться, каким образом это место влияет на лечебный процесс.

Году в 95-м, когда пермские «мемориальцы» приехали осматривать место для будущего музея, знакомиться с соседями, — ткнулись в ШИЗО. Дверь одной из камер оказалась запертой. В ней находился постоялец интерната. Особо буйный. Помещение использовалось почти по прямому назначению.

Метрах в трехстах от «строгой» отделение особого режима — «особняк».

Действительно особая изолированная территория. Автотак стоит у ворот. За воротами — смотровая яма. Для проверки машины снизу. Затем еще ворота. Затем еще одни — с противотаранным устройством. Шесть линий заграждения, плюс три контрольно-следовые полосы — итого девять. По порядку. Дощатый «маскировочный» забор (под три метра). Тропа наряда. Заградительная система «шиповник» — из металлических полос. Система ультрафиолетовой сигнализации. «Путанка» (мотки тонкой проволоки, врытой в землю на метр) — на косых кронштейнах. Колючка, на которой проволочная сигнализация «Ночь-12», срабатывающая при приближении человека. Контрольно-следовая полоса. Основной трехметровый

забор — тоже с колючкой. Еще одна контрольно-следовая на разрыхленной земле.

Мой провожатый — научный сотрудник музея историк Игорь Латышев, вступая на землю «особняка», мрачнеет:

— Помните солженицынское «В круге первом»? Так вот это — последний круг ада.

У Игоря заканчивается неделя его дежурства в музее. Сейчас экскурсий мало — не сезон. Посетители — редкость. Пообщаться почти не с кем. Рассказывает, что как-то раз для усиления впечатлений ночевал на территории «особняка» — больше не тянет: куда уж ближе...

Сюда привозили самых опасных. Рецидивистов, уже отсидевших по политической статье в строгой зоне, но так и не вставших на путь исправления. Привозили в никуда. Потому что никто даже не знал, что это за место, пока эстонец Март Миклус — в прежней жизни орнитолог, прибывший с первым этапом, — не определил по пению птиц: Урал.

Слышали: неподалеку река. Но только потом, спустя много лет, приехав на организованный «Мемориалом» семинар в музей, бывшие зеки поразились: река-то совсем рядом. Метров сто от внешнего забора.

Именно отсюда, с особого отделения, начиналось восстановление лагеря. Начиналось создание музея. Восстанавливали зону почти с нуля. Служители системы постарались начисто вычеркнуть память о ней из памяти. Но память осталась. Восстановлению помогает бригада из местных жителей. В их числе бывший надзиратель «Перми-36» Иван Кукушкин.

Барак «особняка». В отличие от деревянных бараков строгого отделения — тут все бетонное. Камера на шес-

терых. Двойные двери. Решетчатая — щель для протискивания одного человека. И сплошная. С двумя замками — навесным и электромеханическим.

Другая камера на двоих. Стандартный срок для обитателей «особняка» — десять лет. Плюс пять каторги. Первая посылка из дома — через пять лет. Письма — раз в месяц.

Для обитателей каждой камеры — своя рабочая комната. Изо дня в день — прикручивание шурупов к платам для лысьвенских утюгов. Дневная норма — 522 платы. 1044 шурупа. Не справившимся — наказание: лишение прогулки, например.

Прогулки — в стандартном, два на два, дворике. С бетонным покрытием, высоким бетонным забором и потолком из колючей проволоки. Сверху, сквозь проволоку, — внимательный глаз надзирателя.

Вот в глазок этой камеры надзиратель наблюдал за заключенным Юрием Литвиным. Надзиратели ходили в мягкой обуви, чтобы можно было бесшумно подкрасться к двери и заглянуть внутрь. «Не услышать в меха обутой тени, // Не превозмочь в дремучей жизни страха».

Как и многие обитатели «особняка», Литвин болел. Лечение здесь при всех недугах было одно — вода и сода. Не выдержав мучений, он вскрыл себе брюшную полость. Умер во время операции в Чусовом.

В этой камере, двухместной, сидел украинский поэт Василь Стус. А вот здесь, в карцере, протекли его последние дни, здесь он погиб при не выясненных до конца обстоятельствах. Через две недели было назначено заседание Нобелевского комитета. Он был одним из трех претендентов. Но Нобелевскую премию присуждают только живым.

Стратегия «Мемориала»

— А вы знаете, кто кормил нас обедом? — спрашивает Игорь (слава Богу, что обед был перед осмотром «особняка»). — Лидия Васильевна Кукушкина, бывший бухгалтер этой колонии. И жена того самого Ивана Кукушкина, который был надзирателем. Хотите посмотреть исторические кадры? Иван Кукушкин встречается с бывшим заключенным Василем Овсиенко.

Мы смотрим в музее исторические кадры. Встреча ээка и надсмотрщика десять лет спустя. Расстояние между собеседниками не менее метра. Психологический барьер или профессиональная привычка? Руки друг другу тоже не подали. Но общаются почти как старые знакомые. «А помнишь, Кондратий такой был? А помнишь?..»

Я долго не могу понять природы какого-то поразительно спокойного равнодушия к происходящему бывшего надзирателя Кукушкина. Потом узнаю, что он тоже уже успел отсидеть срок. (Кажется, за то, что ударил офицера, — он не любит об этом вспоминать.)

Сумерки. Последний автобус на Чусовой. Мрачные очертания остающейся за спиной зоны. Деревня Кучино. Деревня Темная. Лед, сковывающий Чусовую. Куда ведет нас эта дорога из зоны?

Идея пермского «Мемориала» рождалась в недрах областной коммунистической газеты «Звезда». Тогдашний заведующий отделом промышленности, один из самых блестящих пермских журналистов, Александр Калих, вдруг увлекся политикой. За деятельностью Калиха и его сторонников внимательно наблюдали партийные боссы и спецслужбы. В Перми еще помнили один из последних в СССР образцово-показательный процесс по диссидентам. Не удивительно, что в тревожные дни августовского путча 1991 года один из тогдашних активистов «Мемориала» уже бросился было искать конспиративные квартиры. К счастью, не пригодилось.

Из «Звезды» Калих ушел. Неудивительно: тогда его деятельность никак не укладывалась в традиции старейшей газеты Прикамья. Впрочем, из «Звезды», как из гоголевской шинели, вышли первая демократическая га-

зета Пермской области «Время», затем альтернативные самой же «Звезде» «Пермские новости», где Калих стал заместителем главного редактора и главным идеологом и на страницах которых начали печататься списки реабилитированных.

Сегодня, анализируя пройденный пермским «Мемориалом» путь, его председатель Александр Калих заявляет:

— Я никогда не любил чиновничество, но что касается пермской власти, она была замечательна тем, что не вмешивалась в наши дела и не мешала. А когда губернатором стал Геннадий Игумнов, то начала и помогать.

Именно тогда у пермского «Мемориала» — уникальный случай для выкарабкивающейся из недр тоталитаризма России — появилась своя статья в областном бюджете. И даже не одна. Во-первых, на создание Музея истории политических репрессий. Во-вторых, на выпуск «Книги памяти» и проведение Дня памяти жертв репрессий. День памяти — это не отчетные мероприятия, но конкретная финансовая помощь пострадавшим от гуглаговского режима. В Пермской области — тоже единичное явление — действует указ губернатора об оказании материальной помощи репрессированным при покупке жилья.

Ныне музей, то есть то, что оставалось от бывшей политзоны, переданой «Мемориалу» в собственность, — уже самостоятельное юридическое лицо, уникальный памятник режиму, известный всему миру. Его директор — известный пермский ученый-историк Виктор Шмыров, кстати сам родом из Чусового.

Нынешний «Мемориал» — это уже не только защита прав репрессированных. Это развитие добровольчества. Ежегодно в «Перми-36» организуются молодежные лет-

ние лагеря, через которые прошли тысячи волонтеров — из Перми, других регионов и даже иностранцы. Они помогают восстанавливать вид бывшей политзоны, участвуют в дискуссиях, конференциях, встречаются с прежними сидельцами — изучают историю на фактическом материале. Пытаются осмыслить то, что старшее поколение порой не знает и не хочет знать.

Пермский «Мемориал» — это пешие и водные экспедиции «По рекам памяти», то есть по прикамским хребтам архипелага ГУЛАГ — таких мест в области, увы, хватает.

Пермский «Мемориал» — это Центр поддержки демократических молодежных инициатив (молодежный «Мемориал»), в штате которого порядка сорока молодых людей, как правило прошедших волонтерскую школу музея, а теперь ухаживающих за бывшими репрессированными.

Пермский «Мемориал» — это защита прав молодых людей на альтернативную гражданскую службу (АГС). Крупное направление, серьезнейший проект, первые эксперименты прохождения АГС — еще до принятия соответствующего закона. А ныне инициатива создания коалиции общественных организаций «За демократическую АГС» и борьба за изменения в законе «Об альтернативной гражданской службе». И не только АГС, но и вопросы военной реформы, и защита прав солдат-срочников. И проведение соответствующих семинаров для военкомов, представителей власти всего Приволжского военного округа. И издание брошюры о правах призывника и военнослужащего — с 2003 года практически весь прикамский призыв уезжает служить с этой книжкой в кармане.

Пермский «Мемориал» — это «Школа прав человека» в пермских школах. Это факультативный спецкурс, кото-

рый читают сотрудники молодежного «Мемориала» в 60 учебных заведениях области, и заявки на него — на три месяца вперед. Это выставки по истории политических репрессий в России — на них очередь аж на полгода.

Впрочем, здесь мы уже коснулись Детского проекта, о котором речь впереди. Хотя отметить главную отличительную и даже стратегическую линию пермского «Мемориала» имеет смысл прямо сейчас: это работа с молодежью. И это тоже своего рода прививка. Сделанная в молодости, она безусловно имеет значительно больший эффект.

Свой путь

И хотя пермский «Мемориал» появился несравнимо раньше классических пермских правозащитников, именно с появлением последних автор этих строк связывает осознанную работу по развитию гражданского общества.

В первые годы своего существования Пермский региональный правозащитный центр (ПРПЦ) был типичной консультацией для бедных. Бесплатной консультацией. Люди шли сюда как на прием по личным вопросам к типичному начальнику — со всем ворохом своих бед: жилье, быт, пенсии, низкая зарплата, невыплаченные детские пособия. В классическом (европейском) понимании большинство этих традиционных для России бед — не совсем права человека. То есть права, конечно, но так называемые социально-экономические права (скорее, бесправие), которые в отличие от классических не являются абсолютными, универсальными, естественными и

неотчуждаемыми. Говоря человеческим языком, наличие этих социально-экономических бед зависит от государства, вернее от того, насколько оно богато и в состоянии обеспечить своих граждан жильем, нормальным медицинским обслуживанием, социальными благами и тому подобным. В общем, это из серии афоризмов: «Лучше быть сытым, чем голодным, но если уж все равно голодным, то хотя бы свободным».

Тем не менее пермские правозащитники осознанно и осмысленно стали заниматься этими самыми неклассическими правами, отодвинув на второй план классические: свободу слова, свободу совести, свободу убеждений, свободу передвижения — в общем, все то, что общество само отодвинуло как второстепенное: «Если ты голоден, то зачем тебе свобода?»

На какой-то правозащитной тусовке пермяки высказали эту свежую идею как очередную свою оригинальную лабораторную заготовку. Так и аргументировали: на сегодня социально-экономические права — это главное, что волнует население, права политические на данный момент его практически не заботят, а если и заботят, то в значительно меньшей степени. И если сейчас отдавать приоритет классическим правам человека, то правозащитное движение в России будет обречено на провал, забвение, прозябание и полную потерю авторитета. Очередной «бзик» пермяков был подвергнут острой товарищеской критике ортодоксальными правозащитниками. Однако через полгода большинство правозащитных структур стали-таки успешно работать с населением именно в сфере социальных проблем.

Между тем два года назад пермские правозащитники решительно развернулись на сто восемьдесят градусов и объявили во всеуслышание, что вот сейчас-то они

намерены приняться за классические права человека. Непоследовательность пермяков заслужила новую порцию неодобрения от коллег, но это не смогло поколебать их уверенности в своей правоте. Дескать, нынче уже достаточно структур, занимающихся защитой социально-экономических прав, достаточно понимания, как надо за них бороться... а мы что-то уж слишком увлеклись этим. И вновь осознанно, если не сказать демонстративно, пермяки сузили свою бесплатную помощь обществу, которое вот-вот должно стать гражданским, до традиционной правозащитной тематики.

Короче, у пермских правозащитников, как и у всей России, не иначе как свой, особенный путь развития, не похожий на другие. И это нормально и правильно, так же, наверное, дела обстоят в большинстве более-менее успешных в правозащитном плане регионов. Так, по-видимому, и должно быть в нормально развитом обществе.

Эскалация деятельности

Впрочем, прежде чем сузиться, пермские правозащитники расширились. Через два года после создания ПРПЦ была создана Пермская гражданская палата (ПГП). Это произошло после того, как стало понятно, что Правозащитный центр в Перми — единственное место, где абсолютно любой человек, ищущий справедливости, может получить бесплатную юридически грамотную консультацию. В таких консультациях (в восстановлении справедливости то есть) нуждались и юридические лица.

Пермская гражданская палата, по сути дела взявшая под свой учет и контроль зарождающиеся негосударственные (и коммерческие, и не...) организации, стала кристаллообразующим центром для создания открытого партнерства — Пермской ассамблеи. Содружество для организации проведения совместных проектов. В ассамблею вошел, в частности, Пермский медицинский пра-

возащитный центр, руководитель которого Евгений Козьминых, врач по образованию, просто в страхе держит своих бывших коллег, допустивших врачебную ошибку. Вошел в ассамблею и старожил правозащитного и гражданского движения, пермский «Мемориал». Стала подтягиваться творческая интеллигенция: киностудия «Новый курс» во главе с патриархом пермского неигрового кино Павлом Печенкиным, пермский городской общественный фонд культуры «Юртин», возглавляемый профессором-филологом Владимиром Абашевым. Первые заявленные общие дела — это Детский проект; внедрение гражданского контроля на территории Пермской области; внедрение технологии гражданских переговоров между НКО (некоммерческими организациями) и органами власти.

Широко простер свои руки в дела человеческие и сам Правозащитный центр. Открывались его филиалы в крупных (и не очень крупных) городах Прикамья. Правозащитники в Соликамске, находящемся на севере Прикамья, самом что ни на есть ссыльном краю, специализировались на защите прав заключенных. В Краснокамске был открыт «Антипризывной пункт», объявивший о начале консультаций по вопросам призыва в ряды Вооруженных Сил. Пермяки, раскинув правозащитные сети в родной области, принялись ездить с миссионерскими целями в соседние регионы: Киров, Удмуртию, Коми-Пермяцкий автономный округ.. Этские правозащитные десанты, которые давали безусловный толчок к осознанию своего гражданского «я».

Текучка и скандалы

Логичным подтверждением занудности и хорошо поставленного делопроизводства в ПРПЦ может служить случайная выборка из папки «Социальные патронажные дела».

«Дело №п0-93 «Выгузова и др. против Пенсионного фонда» (взыскание задолженности по пенсиям).

...Подготовлено и направлено в Свердловский райсуд 170 исковых заявлений об индексации пенсий в связи с их задержкой в 1988 году. Вынесено решение в пользу Выгузовой. Пенсионный фонд подал жалобу в облсуд... пенсионерам компенсации присуждены. Выгузовой компенсация выплачена. Дело закрыто».

Дело №п0-102 «Субсидии проживающим в районах Крайнего Севера» (отказ в предоставлении субсидий).

...В Правозащитный центр обратилась Хвалова Г.И. с жалобой на непредоставление субсидий на жилье для граждан, которые выехали из районов Крайнего

Севера до 25.07.98... Сделан запрос в Государственный комитет... Составлена жалоба в Конституционный суд... 24 мая 2001 года Конституционный суд РФ издал постановление, в котором признал несоответствующими Конституции РФ положения Федерального закона... Дело закрыто».

Дело №п0-138 «Мошенничество работников социальной защиты в отношении одиноких стариков» (незаконное получение квартир).

После обращения в Правозащитный центр пенсионера Гаврилова М.Ф. о злоупотреблениях и ложных обещаниях заботы в отношении стариков двух сотрудниц соцзащиты были направлены жалобы в областную прокуратуру, ГУВД... Получен ответ о возбуждении уголовных дел... Подан иск о выселении незаконно прописанной под предлогом оказания помощи и заботы. Дело закрыто».

Далее — просто перечисление: «Азовских против городской администрации» — делом занялась городская прокуратура; «Осиповская и Жданова против правительства РФ» — отменено постановление правительства РФ; «Кулинич против вагонного депо Пермского отделения Свердловской железной дороги» — в пользу Кулинич взыскано 11 тысяч рублей в счет недополученной пенсии и 3 тысячи рублей в счет возмещения морально-го вреда».

Наряду с каждодневной текучкой ПРПЦ время от времени сотрясает область и страну акциями, имеющими широчайший резонанс, долго потом отзывающийся раскатистым эхом в СМИ, в пересудах граждан-обывателей и кулуарных перекурах не привыкшего к подобному служивого чиновничества. Вот перечень самых шумных.

Кампания по защите прав на альтернативную службу. Адвокат Правозащитного центра Роман Маранов сумел не только доказать свое личное право на альтернативную службу, но и законно, через суд, «откосил» от армии несколько десятков своих земляков. Причем еще до того, как был принят соответствующий (не слишком-то мягкий) закон на федеральном уровне. Сейчас Маранов — ведущий менеджер Центра поддержки демократических молодежных инициатив по направлению «Гуманизация военной службы».

«Бронепоезд Ким Чен Ира», победоносно проследовавший по России летом 2001 года и сбивший все графики и расписания железной дороги. Двое пермяков с опоздавшего поезда, пройдя вместе с правозащитниками через семь судебных заседаний, выиграли иск у железной дороги; суд полностью удовлетворил требования истцов по выплате морального ущерба и неустойки за задержку поезда.

Избиение заключенных спецназовцами в колонии в Чердынском районе. Очень непростое дело с множеством подводных течений и мешающих факторов, со своими играми «авторитетов» и «красных крыш». Директор ПРПЦ Сергей Исаев и директор Соликамского правозащитного центра Сергей Махров, несмотря на весьма неоднозначную реакцию общественности (бандитов защищаете!), стояли на своем: было нарушение закона, и виновные должны быть наказаны.

Текущие шумные дела. Кампания против ОАО «Уралсвязьинформ» в связи с многочисленными нарушениями им прав потребителей и злоупотреблениями доминирующим положением на рынке услуг связи. Связистам достаточно самонадеянно дали срок на исправление под угрозой внесения компании в «Черный список», публику-

емый на сайте ПРПЦ. В ответ генеральный директор компании, с недавнего времени объединяющей связистов всего Урала, провел пресс-конференцию, на которой пообещал подать на правозащитников в суд за нанесенный ущерб и оскорбление всего коллектива.

Юридическое сопровождение иска к структуре «Лукойла», поданного жителями поселка Юго-Камск, где произошел прорыв трубопровода и вылилось на землю и в пруд большое количество дизельного топлива. На действия правозащитников достаточно резко отреагировал сам президент «Лукойла» Вагит Алекперов: мол, мы не пойдем на поводу у шантажистов и отстоим свои права через суд.

А кто сказал, что правозащитником у нас быть легко? А что, разве кто-то думал, что монополисты не будут защищаться? Между тем и в «Уралсвязьинформе», и в «Лукойле» среди рядовых сотрудников немало сочувствующих «провокационной» деятельности ПРПЦ. Движение к гражданскому обществу?

Не променивать свободу на безопасность, или Средство от жестокости

Пермская область, вооруженная красивой идеей о бурном развитии гражданского общества, как уже было сказано, ныне и присно знаменита своими зонами. И никуда ей пока что не деться от этого. Со всеми отсюда вытекающими... В частности, вышестоящие государственные чиновники без устали долбят Пермь за высочайший уровень преступности (в Приволжском округе Прикамье просто не имеет конкурентов). А кто-то, желая сказать добрые слова в адрес пермских правозащитников, произносит примерно следующее: «Да они ж из тюрем не вылазят».

Автор этих строк однажды спросил у нынешнего директора Пермского правозащитного центра Сергея Исаева (кстати, одноклассника Игоря Аверкиева, основателя и первого директора ПРПЦ — узок круг этих «революционеров»):

— Что в деятельности Правозащитного центра вы считаете наиболее важным, ценным, заметным?

Подбирая синонимы, автор намеренно давал собеседнику возможность широкого толкования — ведь пермским правозащитникам есть чем похвалиться.

Но Сергей Исаев ответил, как и полагается:

— Кроме того, что мы оказали конкретную помощь тысячам конкретных граждан, мы застолбили за общественными организациями право вмешиваться в те сферы, которые связаны с общественными интересами.

И это был действительно правильный и мудрый ответ. И он неизбежно подводил Сергея Исаева к проблемам взаимоотношений с властью и к необходимости общественного договора с нею. Директор Правозащитного центра не разменивался на нюансы, а рассуждал глобально. Но когда он проговорился, что «мы расшатываем пенитенциарную систему и благодаря этому она становится более открытой» и что «Главное управление исполнения наказаний (ГУИН) — большая болячка России», автор не мог упустить удобного повода и бросился уточнять.

И Исаев признался, что проблема пыток и жестокого обращения действительно занимает весьма серьезное место в деятельности Правозащитного центра. Еще бы, помимо действительно многочисленных попыток правозащитников прорваться в колонии, следственные изоляторы (СИЗО), изоляторы временного содержания (ИВС) — дабы проверить условия содержания заключенных, на слуху были такие мероприятия, как передвижная выставка «Человек и тюрьма» или защита заключенных, избитых спецназовцами. И даже чуть ли не попытки применить милосердие к террористу номер один Салману Радуеву. Кстати, автору этих строк неоднократно

доводилось выслушивать версию о том, что участь Радуева была предрешена и он умер не своей смертью. И поделом, — скажет отечественный обыватель. Правда, на слуху были еще и такие инициативы, как выезд пермских поэтов в детские колонии...

Непросто, неоднозначно, многослойно.

А Сергей Исаев скажет о том, что настроение населения — читай, обывателя — не есть общественное мнение. И что реакция отечественного обывателя, да еще в ссыльном Пермском крае, вполне предсказуема и очень схожа с реакцией «демократических американцев»: ужесточать! И произнесет идеологическую формулу пермских правозащитников, скромно уточнив, что авторство афоризма принадлежит не ему: «Не надо променивать свободу на безопасность».

И глядя куда-то вдаль, как бы отстранившись от проблемы, он будет говорить о способах ее решения. Не только работать с самой пенитенциарной системой, но осмысливать, обсуждать все, что с ней связано, в молодежной, в частности, в студенческой среде, как наиболее продвинутой. Создавать систему общественного контроля над закрытыми учреждениями и параллельно формировать систему общественного сознания. И речь не только о местах лишения свободы, но и об интернатах, психушках... — тоже, если вдуматься, местах лишения и презрения-презрения.

Проблема, если брать шире, в том, чтобы предостеречь человечество от самоуничтожения. И в этом смысле оправдано и необходимо обращение к самой широкой аудитории. Директор Правозащитного центра снова очень аккуратно и логично переходит от частного к общему. Но его собеседнику по-прежнему хочется частностей.

И он (автор) конкретизировал мнение отечественного обывателя.

Первый тезис: защищаете преступников.

— Да, — вынужден согласиться Сергей Исаев, — эта наша работа не слишком позитивно сказывается на имидже Правозащитного центра. Но, во-первых, общественная приемная работает на всю область для самого обывателя, а ему в закрытых учреждениях до общественной приемной физически не добраться. А во-вторых, если вести речь о правах человека, то они прежде всего и в наиболее грубой форме нарушаются именно у тех слоев, которые принято называть маргинальными. И это свидетельствует о неравенстве граждан перед законом.

И тогда автор сформулировал *второй тезис:* работники закрытых учреждений, которые варятся в среде жестокости, почти неизбежно сами становятся либо жестокими, либо равнодушными.

— Да, — вынужден был согласиться Сергей Исаев, — их засасывает система. Но эти люди представляют государство. И, тиражируя жестокость, используя ее как форму своей работы, они переносят центр тяжести именно на государство, которое таким образом узаконивает эту жестокость. А это радикально меняет систему ценностей. Человек, находящийся на государственной службе, должен знать об ответственности за должностные преступления.

— Но в таком случае, — произнес автор, — и правозащитники, работая в этой среде, неминуемо подвергаются тем же испытаниям, рискуя стать если не жестокими, то, по крайней мере, равнодушными к узаконенной жестокости.

Это был запрещенный прием. Можно было догадаться об этом, увидев, как глаза собеседника, только что

глядевшие куда-то вдаль, на мгновение наполнились живой человеческой болью.

— Да, — согласился Сергей Исаев, — я тоже прошел через такое. Но, мне кажется, сумел преодолеть это. Именно благодаря тому, что мы переходим от частных на уровень обобщения, глядя на проблему шире — с точки зрения всего общества.

Первые итоги

Из статистической справки Правозащитного центра и Гражданской палаты за 9 лет работы.

- Более 22 000 посетителей;
- Более 15 000 человек получили различные виды юридической помощи по вопросам защиты прав человека и защите общественных интересов;
- 5256 ответов на письма заключенных (ответы на письма содержат рекомендации, консультации юриста и правовой анализ дел);
- 282 патронажных дела, из них полностью или частично выиграно 118 дел, проиграно 22 дела, находятся на различных стадиях рассмотрения 54 дела, прекращено по не зависящим от ПРПЦ причинам 91 дело;
- 46 просветительских экспедиций в районы области (на 2–3 дня выезжают почти все сотрудники Правозащитного центра и Гражданской палаты, проводят юри-

дические консультации, семинары, читают лекции, посещают закрытые учреждения, передают гуманитарную помощь);

— 37 посещений исправительных учреждений Пермской и Кировской области (ознакомление с жизнью заключенных и персонала учреждений, правовые консультации для заключенных и сотрудников, чтение лекций и проведение бесед, передача гуманитарной помощи). 13 посещений спецучреждений (изоляторы временного содержания, приемники-распределители, медицинские вырезвители);

— 560 граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (освободившиеся из мест лишения свободы, бездомные граждане), получили материальную помощь: приобретение железнодорожных и автобусных билетов для проезда к месту жительства, предоставление продуктовых наборов, оплата оформления паспорта, предоставление одежды (с 2000 года организован сбор благотворительных пожертвований для граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации). Была оказана гуманитарная помощь заключенным колоний и СИЗО на сумму более 500 тысяч рублей. В колонии Пермской области было передано более 11 тысяч книг (учебники, художественная и правовая литература), лекарств на общую сумму 125 255 рублей. Заключенным различных исправительных учреждений было направлено 50 посылок с одеждой, обувью, лекарствами, предметами первой необходимости, канцелярскими принадлежностями, юридической литературой;

— 490 общественных организаций и инициативных групп получили тот или иной вид консультационной помощи (регистрация, бухучет, налогообложение, информационное и методическое обеспечение);

— 101 устав разработан по заявкам создающихся общественных организаций.

При непосредственном участии ПРПЦ и ПГП создано около 20 правозащитных и социальнозащитных общественных организаций.

Сотрудниками ПРПЦ и ПГП разработано несколько региональных законопроектов:

— «О социальной защите населения на территории Пермской области» (принят законодательным собранием Пермской области осенью 1997 года);

— «О благотворительной деятельности на территории Пермской области» (отклонен законодательным собранием осенью 1999 года);

— «Об уполномоченном по правам человека в Пермской области» (отклонен законодательным собранием осенью 1998 года, весной 2000 года вновь принят к рассмотрению новым составом законодательного собрания, в ноябре 2000 года принят законодательным собранием);

— «О государственном социальном заказе в Пермской области» (принят законодательным собранием Пермской области в сентябре 2000 года);

— «О дополнительных мерах по обеспечению соблюдения прав и свобод человека и гражданина государственными и муниципальными служащими Пермской области» (проект от 05.03.2001). Проект распоряжения губернатора Пермской области «О проведении эксперимента по общественному контролю в интернатных учреждениях г. Перми и Пермского района»;

— Концепция закона Пермской области «О социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы»;

— «Положение о семейных воспитательных группах при специализированных учреждениях для несовер-

шеннолетних» и «Положение об уполномоченной службе по устройству детей на воспитание в семьи»;

— Проект закона «О системе профилактики социального сиротства и защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей в Пермской области».

Подготовлено 22 экспертных заключения на законопроекты федерального и местного уровня.

Разработано и опубликовано 58 правозащитных методик, издано 17 методических пособий и брошюр общим тиражом 83 200 экземпляров.

С 1997 года издано 53 номера газеты «Личное дело» (до января 2002 года она называлась «За человека») тиражом от 1000 до 4000 экземпляров.

Подготовлены и изданы «Доклады о соблюдении прав человека в Пермской области» за 1998, 1999, 2000 годы.

Проведено 86 просветительских мероприятий — конференций, круглых столов, семинаров, посвященных актуальным проблемам защиты прав человека и развития гражданского общества.

С декабря 2000 года функционирует сайт ПРПЦ, ежедневно сайт посещает около 300 человек.

В рамках программы Пермской гражданской палаты «Новая пермская общественность» общественным организациям области выделено 46 грантов на общую сумму \$180 000. В конкурсах приняли участие 154 некоммерческие организации Пермской области (программа финансировалась фондом Форда).

Провинциальные романтики

А еще в Перми был дан старт политико-романтическому проекту (так его охарактеризовали сами авторы) «Отличная страна. Провинциальный проект для России». Впрочем, проект — это всего-навсего сайт в Интернете, который придумали и воплотили уже упоминавшийся Игорь Аверкиев и директор Уральского агентства поддержки малых и средних предприятий Светлана Маковецкая.

И вот вы заходите в Интернет, набираете www.stanem.ru* (ни больше ни меньше — Станем!) и читаете под шапкой «Страна на заре» что-то очень похожее на манифест. Русский проект? Русская национальная идея?

* Заголовок заимствован из названия культурологического эссе профессора Влади. Сейчас такого сайта уже не существует. Однако большинство теоретических проектов, им рожденных, реализуется в рамках иных программ, которые курирует Аверкиев со товарищи. Более подробно об этом можно прочитать на сайте Пермского регионального правозащитного центра: www.prpc.ru

Россия собирается. Что-то дразнящее, новое и тревожное носится в воздухе. Предчувствие, что страна находится то ли в начале большого подъема и возрождения, то ли делает последний судорожный вдох перед окончательным погружением в прозябание.

Мы не хотим и не можем ждать. Россия — наш шанс. Не наш город, не наша работа, не наша семья, а вся Россия — мы так устроены.

Мы хотим возрождения! Мы хотим новых возможностей! Нам скучны сегодняшние горизонты, точнее их туманность. Мы хотим достойно жить в достойной стране! Мы хотим гордиться Россией! У нас отличная страна!

Мы постоянно сталкиваемся с новыми идеями и людьми, готовыми реализовывать новые идеи. Но всякий раз возникают причины, мешающие их реализации. Мы не хотим постоянно сожалеть об упущенных возможностях.

Игорь Аверкиев:

— Как-то постепенно мы стали замечать: то, что мы говорим, пишем, делаем, интересует не только нас — за этим следят, как-то реагируют. Идеи, которые мы высказываем где-нибудь в прессе, на том же сайте Правозащитного центра, — согласен, они носятся в воздухе, — их начинают обсуждать в Москве, Питере. Да нет, ради Бога, пусть обсуждают. Но если есть востребованность, почему бы ее не канализировать?

Если наш сайт станет читаемым и проявятся люди, у которых есть ноу-хау в общественно-политической сфере — отчего бы не помочь им реализовать их идеи?

Да, пока это зондаж, эксперимент. Мы пытаемся что-то предложить стране, не прибегая при этом к политическим технологиям. Но разве это плохо? Вот, например, проект «Инакомыслие».

И вы «кликаете» мышкой на ссылку *«Инакомыслие как технология прорыва»*.

И читаете отнюдь не бесспорные вещи. Например:

...Мартин Лютер, высказав сомнение в духовной продуктивности религиозных обрядов и отрицая посредничество церкви в общении человека с Богом, открыл миру новый способ жизни, основанный на осознании персональной ответственности личности за свою судьбу. В результате мир получил протестантизм, а вместе с ним и новый общественный строй — капитализм.

Денис Давыдов, предложив использовать регулярные части в нерегулярной («партизанской») войне, буквально надругался над господствовавшей тогда военной теорией. Но Кутузов с пониманием отнесся к его инакомыслию. Результат известен — потери французов, особенно на втором этапе войны, серьезно возросли благодаря именно этой тактике.

Владимир Ульянов (Ленин), объявив новую экономическую политику (НЭП), отверг традиционные марксистские представления о социалистической экономике, противопоставил себя большинству соратников и сторонников. В результате спас большевистский режим от экономического краха...

Цель проекта: лишить российское инакомыслие ауры маргинальности, юродивости. Гармонично включить энергию и «продукцию» инакомыслия в процесс обновления и возрождения России.

Игорь Аверкиев:

— Запустить проект «Инакомыслие» — это наша программа-минимум. Запустить на пермской земле, в

провинции. Вытащить людей, которые действительно мыслят нестандартно, — пока они сидят по щелям, многих просто не воспринимают.

Поднять, начать работать, проводить семинары — да, большой объем работы, нужны серьезные эксперты. Но как раз этот проект мы представляем наиболее четко. Есть варианты финансирования...

Причем обратите внимание: инакомыслие сильно именно в провинции.

И вы снова заходите на сайт «Отличная страна» и останавливаете курсор на рубрике «...плюс депроvincialизация всей страны». И видите то, что вполне соответствует вашему провинциальному умонастроению:

Провинциальные актеры, провинциальные анекдоты, провинциальные новости, провинциальная пресса, провинциальные ценности, провинциальный бизнес. Везде санкционированная государством ожидаемая второсортность, архаичность, неуклюжесть, неискренность.

Подразделение на Метрополию и Провинцию характерно для империй и авторитарных режимов, гарантирующих согласие Провинции на несправедливое перераспределение ресурсов в пользу Метрополии. У нас имперская дихотомия «метрополия — провинция» сохраняется как политический обычай, как общественный пережиток, как традиционный уклад, стиль геополитического структурирования страны, в то время как реальная страна уже переросла этот тип «самоорганизации» и распределения ресурсов. А демократия, даже такая, как у нас, уже не гарантирует лояльность провинции.

Очевидно, проблема узаконенной отсталости провинции в России более содержательна, чем констатация несправедливости распределения ресурсов с точки зрения провинции. Концентрация в Москве общенациональных экономических, культурных и человеческих ресурсов и в смысле объема, и в смысле качества — неэффективна с точки зрения развития России, с точки зрения максимального использования всего потенциала страны...

Игорь Аверкиев:

— С депроvincialизацией — пока не готов точно нарисовать программу. Потому что насколько проблема очевидна, настолько неочевидны пути ее решения. На первом этапе — это разворачивание дискуссии.

Вот, кстати, над Детским проектом уже вполне готова работать Народная ассамблея. Это ряд крупных общественных сетевых организаций, которые объединились в процессе подготовки Гражданского форума и добились изменения его формата. В свое время я предложил Детский проект и понял, что проблема осознается уже на уровне подкорки.

И вам не остается ничего иного, как найти в сайте «Отличная страна» раздел «О детях». И прочитать довольно жесткие, если не жестокие строки, написанные 40-летними, которых и молодыми не назовешь, и к старичкам вроде бы пока относить рано. Ко вторым они ближе по возрасту. К первым — по подходам.

Дело не только и не столько в сокращении рождаемости, а в формирующейся сегодня физической, интеллектуальной и духовной неполноценности тех, кому сохранить Россию через 10–30 лет.

Дети у нас, по сути, принесены в жертву избирательной активности стариков.

Политика, ориентирующаяся на стариков, и сама становится старческой: по идеологии, риторике, технологиям...

И вы, увидев готовность авторов глобального проекта прокомментировать и этот раздел, а затем еще и все остальные, как то: *«Конец чеченской войны»*, *«Национальный ответ на национальный вопрос»*, *«Новые приличия»*, — слышите в ответ на ваши вопросы:

Игорь Аверкиев:

— О, все это еще и сформулировать-то пока можно только на уровне афоризмов. То, что сегодня, как нам кажется, уже должно быть понятным, нормальным, почему-то еще не ясно. Осознанная убогость, юридичность как протест уже ничего не дает, духовно никого не обогащает..

...И вот вы, уже готовые согласиться с автором, что проект «Инакомыслие» действительно очень красивый, если не сказать заманчивый, очень русский, — вдруг ловите себя на том, что надолго задумались (тоже очень по-русски, правда?) и решительно говорите себе: «Стоп!» И готовы спросить: «А все, что вы придумали, — не слишком наивно и по-детски?» И даже поставить вопрос ребром:

— Вы считаете, что это все реально? А деньги? Американские гранты? В таком замечательном русском патриотическом проекте?

— Нет, мы сразу договорились, что любое зарубежное финансирование в этом проекте исключается. Я уже ищу средства, чтобы запустить его в Перми.

Вы знаете, российский бизнес исправляется. Он готов вкладывать не только в тех, кто громче всех кричит. Почему у известных зарубежных фирм типа «Кока-Колы» есть глобальные межнациональные программы, а у наших «Лукойлов» и «Газпромов» нет? Потребность — есть, нет — соответствующих «солидных» идей. Я готов допустить, что это будет не наша программа, но кто-то должен начать, всколыхнуть, взбудоражить...

И вы запишете в своем блокнотике: теоретико-политико-романтический проект «Отличная страна»... Отличная? И задумаетесь...

Кстати, соавтор провинциального проекта Светлана Маковецкая — жена Аверкиева. Семейный подряд? А это что — политика или романтика? Или вынужденно повторяемый тезис об узком круге?

Бизнес и власть: на пути непонимания

Светлана Маковецкая работала преподавателем в Пермском Институте культуры. Потом ушла в бизнес. Занималась разработкой стратегий социально-экономического развития регионов, консалтингом, маркетингом и стратегическим управлением. Считается одним из ведущих экспертов малого бизнеса в России. Национальный российский советник европейских программ кооперационных связей малых и средних предприятий «Европартенариат». Автор концепции государственной политики развития малого предпринимательства в регионе на 2002–2006 годы.

Ну вот, пришлось включить и главку о бизнесе, чего изначально не предполагалось. И при этом рассматривать даже не связку бизнес-гражданское общество, а отношения бизнес — власть. К сожалению, последнее на момент подготовки этого текста актуальнее.

С одной стороны, большой бизнес, как более защищенный, должен привносить правила игры (честной игры, если это словосочетание вообще употребимо в нашем контексте) в малый. У нас получилось наоборот: те правила (понятия), что зачастую играют немалую роль в малом бизнесе, использованы — и не без успеха — в большом. Что же это за правила?

Светлана Маковецкая со своим Агентством поддержки малых и средних предприятий и Обществом развития предпринимательских инициатив регулярно проводит специальные исследования, более или менее успешно пытается защищать права своих подопечных, призывает к объединению — в общем, держит руку на пульсе. Пульс — слабый. Плотность малого предпринимательства в Прикамье — 6,2 предпринимателя на сто жителей, в целом по России — 7, а в Санкт-Петербурге, например, 25. Правда, в малом предпринимательстве Пермской области пропорционально больше субъектов, занятых в промышленности и строительстве, а вот в сфере торговли и ЖКХ — уже значительно меньше, чем в среднем в РФ.

О взаимодействии и настоящей большой любви (по расчету) малого бизнеса и местной власти достаточно ярко говорят результаты социологических исследований. Такой, например, вопрос: *«Какие региональные барьеры, утвержденные решениями местных или региональных органов власти и препятствующие успешному ведению вашего бизнеса, существуют на рынке вашей области и/или областей, в которых вы поддерживаете деловые связи?»*

Наибольшее количество нарушений прав предпринимателей наблюдается при выдаче справок и процедурах согласований в органах санэпиднадзора, госпож-

надзора, при лицензировании, сертифицировании, в органах статистики, бюро технической инвентаризации, когда устанавливаются дополнительные или непропорционально большие сборы.

Любопытный нюанс: во время опроса предприниматели из областного центра в 4 раза реже указывали на повинность в виде участия в социальных программах, чем их товарищи по несчастью из районов области. По мнению исследователей, это происходит и из-за большего «феодалного волюнтаризма» местных властей, и из-за меньшей организованности и компетентности местного предпринимательского сообщества. Чем дальше от центра, тем меньше цивилизованности.

— Вообще, подобная практика «цивилизованного шантажа» при решении властями социальных проблем, — считает Светлана Маковецкая, — убедительно свидетельствует об общем подходе к правам предпринимателей под лозунгом «Право в обмен на обязанности». Причем так поступают не только власти, но и микрорайонные сообщества — например некоторые ассоциации территориального общественного самоуправления (АТОСы) в Перми, которые заставляют предпринимателей, функционирующих на территории микрорайона, выделять средства на культурные мероприятия, праздничные подарки пенсионерам и прочее. Благотворительность, в принципе не могущая быть обязанностью, превращается для предпринимателей в плату за право заниматься своим делом.

При этом даже рьяные сторонники демократических преобразований порой забывают, что у предпринимателя тоже есть гражданские права, которые то и дело нарушаются явочным порядком. «Презумпция виновности», ежемесячный «День милиции», хроническая вина перед

собственной семьей, что и денег не хватает, и времени уделяет мало — вот типичная жизнь типичного мелкого буржуа в современной России.

— Пытка, разлитая во времени, — формулирует Светлана Маковецкая общую ситуацию с мелким бизнесом. Увы, не только в Перми.

Общая ситуация, хочешь не хочешь, увязывается и с последствиями атаки на ЮКОС. Хотя, по мнению Светланы Маковецкой, в ближайшие полтора-два года вряд ли стоит ожидать неких усиливающихся репрессивных тенденций — по крайней мере в либеральной Пермской области. Выборы там, а риторика — она все-таки за малый бизнес...

Кстати, ЮКОС в число особо отмеченных попал еще и потому, что те самые проекты, связанные с разгосударствлением мысли (читай: «Инакомыслие» в трактовке Аверкиева и Маковецкой), корпорация начала как-то уж очень рьяно, если не сказать успешно, претворять в жизнь. Вот и доинакомыслились.

Как после этого не озадачиться младшему брату крупного бизнеса, которого пытаются вдохновить на подвиг поддержки гражданских инициатив! Поддержит, конечно, но в лучшем случае те, что санкционированы.

Бизнес и гражданское общество: православный крест в стиле «Ротари»

Исключения? Есть, конечно. Во-первых, вполне объяснимые и очевидные. Когда, например, «Лукойл» вкладывает деньги в социальные проекты, в том числе связанные с экологией или образованием. В том числе на тех территориях, где добывает нефть. Потому что «Лукойлу», безусловно, нужен положительный имидж там, где он работает.

Есть и не вполне очевидные. Директор ЗАО «Алтекс ЛТД» Александр Коняев на свои собственные деньги ставит крест в знаменитом Белогорском монастыре.

Коняев, с одной стороны, типичный представитель среднего бизнеса: занимается одним делом — потом вынужден с ним расстаться, так как ему поступает предложение от структур, которым не принято отказывать. Переключается на другое, где его, скажем мягко, подвоят представители близкой к государственной структуры, которую он имел неосторожность включить в ком-

паньоны. Коняев, как и положено честному предпринимателю, честит налоговую реформу, то и дело разочаровывается в государственной экономической политике, с ужасом вспоминает дефолт и упрямо продолжает заниматься бизнесом.

С другой стороны, Коняев — совершенно нетипичный новый русский: помогает чуть ли не любому, кто к нему обратится, не считаясь ни с временем, ни с затратами. Интересуется искусством, философией. Ведет бизнес строго научно и по-порядочному — и, несмотря на все тяготы и лишения, скорее удачно.

Белогорский монастырь реставрируют долго и тщательно уже не менее десятка лет: создан специальный фонд, к которому жаждут прикоснуться или патронировать его очень и очень многие, на фоне обители считают за честь засветиться представители местного и не только местного бомонда. Коняев же, когда журналисты пристают к нему с расспросами, скромно отнекивается и умоляет не писать о его благотворительной деятельности. Ну вот, иные деньги дают, чтобы осветили их благодеяния, а этот за бесплатно не соглашается.

Кстати, Александр Коняев — так уж вышло — президент еще одного некоммерческого образования под названием «Ротари-клуб» (Пермь). «Ротари» — структура абсолютно не государственная, более того — с иностранными корнями. Сегодня это целая сеть клубов, расположенных по всему миру, основу которой составляют именно люди бизнеса. Пермь — не исключение. В числе членов пермского «Ротари-клуба» в основном предприниматели. В программе — образовательные, медицинские проекты, благотворительная деятельность.

Анекдотичный случай: когда известный в Прикамье представитель крупного бизнеса обратился в «Rotary-

International» с предложением организовать в Перми местный «Ротари-клуб» — на Западе считается очень престижным состоять в этой структуре: такая современная масонская ложа, — ему объяснили, что в городе клуб уже существует: мол, вступайте на общих основаниях. В итоге бизнесмен создал свой клуб — такой междусобойчик для самых богатых и важных: у вас своя тусовка, у нас — своя.

Медицинский правозащитный

Когда Евгений Козьминых, врач-кардиолог, кандидат наук, решил создать Медицинский правозащитный центр, вокруг раздалась пламенная аплодисменты, почти что переходящие в овации. Нет, действительно, инициативу его поддержали ведущие ученые медики, главврачи крупнейших пермских больниц. Было очевидно, что несмотря на неминуемое наступление гражданского общества, права как пациентов, так и самих врачей в стране с неоперившейся еще демократией фактически не защищены. Практика судебно-медицинских дел была весьма скудна, обращаться с исками к врачам решались немногие. 97-й год, что же вы хотите — через год грянет дефолт, и нарождающийся средний класс вместе с радужно-либеральными надеждами и чаяниями утончится до тоненькой прослойки.

Козьминых, впрочем, со временем повезло — это был тот период, когда российские гражданские инициа-

тивы с учетом их немногочисленности пока еще активно поддерживались зарубежными грантами.

Именно это позволило Пермскому медицинскому правозащитному центру (ПМПЦ) встать на ноги и стать известным. Понятно, что все первые опыты нового начинания проводились на бесплатной для клиентов основе.

Вообще-то, Медицинский правозащитный изначально создавался для защиты как пациентов, так и врачей. Но у медиков — собственная гордость, и не удивительно, что первыми и основными клиентами центра стали обиженные больные.

Самый нашумевший, показательный, трудный, трагичный и, наверное, хрестоматийный пример из деятельности Козьминых — дело Андрея Волкова.

Андрею было 12 лет, когда после прививки от клещевого энцефалита у него началось осложнение, закончившееся параличом. Судебный процесс шел два года — юноша уже был прикован к инвалидной коляске. Первую экспертизу проводило пермское бюро судебно-медицинской экспертизы, которое целиком и полностью было на стороне врачей. Вторую — так называемые независимые эксперты из числа местных медицинских светил. Увы, и им, по мнению Козьминых, трудно было освободиться от пут корпоративной солидарности: инструкция, конечно, нарушена, — говорили эксперты, но ее и не обязательно соблюдать, она скорее для прокурора. Истцам удалось убедить суд назначить еще одну экспертизу — на этот раз в Москве. Родители Андрея Волкова залезли в долги, работа экспертов стоит несколько тысяч, а отчетность по грантам таких нюансов не учитывала...

Московское бюро судмедэкспертизы до чести мундира, то есть халата пермского врача, не снизошло, и в итоге судом было вынесено решение в пользу пострадавшего.

Волковы получили 30 тысяч рублей в возмещение морального ущерба и более 70 тысяч — в возмещение имущественных убытков. Больница продолжает ежемесячно выплачивать компенсацию по уходу за Андреем.

Короче, через три года после создания ПМПЦ, когда как раз подходил к концу процесс по делу Андрея Волкова, бывшие коллеги Евгения Козьминых остро почувствовали свою незащищенность. Перед случаем, сутяжным пациентом, подкованным юристом. Число обращений самих медиков в Медицинский правозащитный центр стало расти.

Готовую вспыхнуть фразу о возникающем противоречии — кому служить: Фемиде, медицине, человеку (вопрос, хорошо знакомый адвокатам), гасит сам же Козьминых:

— У нас принцип простой: кто первый обращается, того и защищаем. Я считаю, что в юридическом плане не защищены и нуждаются в консультации, помощи и те и другие. Нет, естественно, если мы видим, что требования необоснованны, то объясняем клиенту, что выиграть это дело нереально, и стараемся за такие процессы не браться — имиджем дорожим.

Трудносочетаемые интересы врачей и пациентов Козьминых удалось объединить в очередной своей идее — создании страхового фонда. Ибо сейчас в случае врачебной ошибки компенсация выигравшему пациенту выплачивается за счет самой больницы: премий врачей, питания больных и прочего.

В Перми, первом из российских городов, планируется ввести страхование лечебных учреждений на случай причинения пациентам морального вреда, который составляет 87% всех выплат в проигранных больницами судебных процессах. Все это — в полном соответствии с «Законом об организации страхового дела в РФ», который в меди-

цинской практике пока использовать никто не догадывался. Удалось даже найти, хотя и не без труда, несколько страховых компаний, которые готовы решиться на подобный эксперимент. Более того, законодательное собрание области включило в Программу государственных гарантий оказания населению медицинской помощи страхования гражданской ответственности учреждений здравоохранения по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью пациентов (в том числе морального вреда). И на эти цели уже выделены бюджетные средства.

Разумеется, на фоне цветущей пышным цветом американской демократии телодвижения Козьминых кажутся изобретением отечественного велосипеда. Кстати, свои «велосипеды» Козьминых и вправду создавал, сличая Гражданский кодекс и переводы из специализированных иностранных журналов. С другой стороны, то есть на другом фоне (среди уже довольно многочисленных подобных структур в российской правозащитной деятельности), ПМПЦ выглядит отнюдь не бледно. Цифра завершённых судебных процессов, которыми занимался центр, — под сотню — для большинства подобных медицинских центров где-то на уровне горизонта. Не слабо выглядит и другая цифра: три четверти дел, завершившихся в пользу пациентов, — общероссийский показатель на уровне 30–40%.

Сейчас Пермский медицинский правозащитный центр работает на самоокупаемости. Клиенты стоят в очереди. Это к вопросу о том, сколько стоит гражданское общество. Дорого стоит, дорого. Не всем оно по карману.

Консультации, правда, в центре по-прежнему бесплатные. При этом несколько дел — прежде всего для самых бедных, которым нечем платить за свою защиту, — все-таки ведутся на безвозмездной основе.

Анализ судебной практики ПМПЦ (общий по медицинским делам) по состоянию на 01.07.2004 года

<i>Показатель</i>	<i>Абсолютное значение</i>
Всего завершено судебных дел	89
в т.ч. по защите пациентов	71
по защите лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ)	18
Выиграно пациентами	65
Отказано в иске	17
Прекращено дел по другим основаниям	7
Общая сумма взыскания с ЛПУ (руб.)	1 648 766
В среднем при выигрыше пациента	25 366
Компенсация морального вреда (всего)	1 439 253
В среднем при выигрыше пациента	22 142
Максимально по одному делу	120 000
Возмещение имущественного ущерба (всего)	121 969
В среднем при выигрыше пациента	1999
Максимально по одному делу	59 000
Судебные расходы (всего)	87 544
В среднем по каждому делу	984
Ежемес. выплаты по потере кормильца	
В среднем	488
Максимально	650
Судебная экспертиза (всего заключений)	82
2 экспертизы в деле	11
3 экспертизы в деле	4
Экспертные учреждения:	
Пермское бюро судмедэкспертизы	33
Пермская лаборатория судебной экспертизы Минюста	26
Другие	23
Дела в производстве	24
По защите пациентов	17
По защите ЛПУ	7
Надзорное произв-во (Верховный суд)	4

Деструктивный элемент

Роман Авенирович Юшков — кандидат географических наук, правнук одного из основателей Пермского госуниверситета Александра Генкеля, руководитель группы «Зеленая Эйкумена» при Пермском отделении Русского географического общества. Заявленная сфера деятельности «Эйкумены»: природная и социальная среда обитания человека; межэтническая коммуникация и солидарность; сотрудничество между народами, социальными группами, религиозными конфессиями и культурами.

Ромка, как зовут его приятели, — один из самых яростных неформалов в Перми, лидер «Анархо-экологического сопротивления», идейный соратник группы молодых троцкистов, организатор множества шумных и скандальных акций типа «Лукойл — убийца!». При одном упоминании его имени чиновников из управления по архитектуре городской администрации или лукойловцев,

находящихся на переднем крае борьбы за/против природы, плющит и переворачивает одновременно.

По собственному признанию, Юшков исповедует идеологию экологизма (спасение природы, спасение человека), традиционализма (спасение и возрождение традиций перед лицом новаций Запада), антиглобализма.

На сегодняшний день основная сфера его деятельности — это борьба с «Лукойлом», «который травит пермяков», борьба за сохранение культурной и архитектурной исторической среды, борьба... в общем, борьба.

А ведь нормальным был, тихим спокойным мальчиком из интеллигентной семьи. Защитил кандидатскую диссертацию — что-то там про амфибий и рептилий в местных водоемах. Созданная им со товарищи в середине 90-х «Зеленая Эйкумена» преследовала исключительно мирные цели. Потом путь исканий своего места в жизни развел Юшкова с соратниками. Те остались на либеральной, как он сам оценивает, платформе. Его, опять же по собственному определению, понесло. Ну, и занесло:

— Тоталитарная советская система была для России более приемлема, чем неолиберальный каток, который катится по России.

Уход молодого и, наверное, перспективного ученого в сферу общественной деятельности (ну понятно еще — в бизнес) коллеги восприняли кто с ужасом, кто с недоумением. Впрочем, четверть ставки и возможность общения со студентами у Юшкова остались — для трибуны и души.

Декан, завкафедрой, дядя-ученый — известный в Прикамье эколог профессор Георгий Воронов — пытаются убедить Романа возобновить научные изыскания. Куда там:

— Не могу и не буду заниматься наукой, когда мою родину терзают..

Юшков обладает редким для борцов-одиночек даром: он умеет взглянуть на себя со стороны, отрефлексировать и проанализировать, оценить ситуацию:

— Да, я прекрасно осознаю, что моя радикальная деятельность носит во многом деструктивный характер. Но с точки зрения теории систем для развития системы нужны как позитивные, так и деструктивные элементы. Если будут только первые — система загнивает, если преобладают вторые — разрушается. Иначе говоря, в любом обществе должны быть люди, которые могли бы выйти на улицу и поорать.

Ложка меда: деструктивный радикал Роман Юшков удивляет коллег и оппонентов своей позитивной деятельностью. В 1999 году он затеял и реализовал проект «Дорога надежды». Жанр проекта — путешествие с пользой. Продекларированная цель — спасение мира в десяти сельсоветах прикамской глубинки. Задачи: медицинская, психологическая, юридическая, религиозно-ритуальная (так в оригинале) помощь населению умирающих деревень. На практике это выглядело следующим образом. Десант на микроавтобусе под руководством бдительного и требовательного Романа Юшкова в составе врачей (гинеколог, стоматолог, психолог..), служителей культа (православный батюшка и мусульманский мулла), юриста и примкнувших к ним волонтеров, а также работников пера и микрофона, как «летучий голландец» мира и согласия, колесил по дорогам провинции, пытаясь вдохнуть жизнь и надежду в изможденную душу родины. В реальности помощи сомневаться не приходится: стоматолог — 514 приемов, гинеколог — 324, психотерапевт — 291. Плюс крещения, исповеди,

намазы, проповеди, просто беседы, концерты и прочее. Плюс идеологическая сверхзадача (очень даже по-юшковски): «донесение идеи всеобщей солидарности перед лицом навалившихся социальных проблем». «Романтическое путешествие» увековечила киностудия «Новый курс» во главе с известным режиссером Павлом Печенкиным, создав документальную ленту: «Волонтер Кац и другие».

Через год радикально-деструктивный элемент выехал в глубинку с другим известным пермским режиссером Виталием Якушевым для создания полуисследовательского фильма про старообрядцев: Урал, раскол, история гонений. Еще через год Юшков разбил совместный молодежный волонтерский лагерь христиан и мусульман под селом, где проживают русские и татары. А еще организовал кросс-культурный арт-проект «Пермь Великая International». Сначала сухопутный, потом — на парохоме. Потом — новая экспедиция — на катамаранах — команды молодых активистов различных национально-культурных центров. А еще через год... очередная заявка на грант, поданная Юшковым на конкурс социальных проектов (до этого местные власти уже финансировали мирные инициативы возмутителя общественного спокойствия) не прошла. И Юшков, разумеется, усмотрел в этом грязную игру мстительного «Лукойла».

Роман Юшков, худощавый, стремительный, озабоченный, несется вприпрыжку по улице имени своего прадеда Генкеля, бывшего красного профессора, дружившего с Лениным и изгнанного из Петербурга за вольнодумство. Он наверняка торопится на очередную гражданскую дискуссию. На такую, например, тему: «О возможности проведения референдума по вопросу ликвидации стратегических твердотопливных ракет в Перми».

Можно не сомневаться, что инициаторам создания комплекса по ликвидации ракет достанется, и уже достается, и еще будет доставаться от Юшкова по полной программе вкупе с «криминально-компрадорским режимом, который эксплуатирует природу и людей ради кучки олигархов». Можно не сомневаться, что инициаторы и сторонники создания комплекса выслушают Юшкова с печально-внимательными взорами и сделают необходимые пометочки в своих блокнотиках. Гражданское общество называется.

ЧОП борется за чистоту милицейского мундира

Если Роман Юшков — стихийный возмутитель спокойствия, с виду по крайней мере, то Игорь Гринберг — самый что ни на есть планомерный.

Тоже — из интеллигентной добропорядочной семьи. В розовый романтический период отечественных кооперативов он, как и будущий (то есть ныне уже настоящий) губернатор Прикамья Юрий Трутнев, занялся коммерцией. Гринбергом была создана крупнейшая сеть — торговая по обслуживанию бытовой техники. Затем конфликт с фискальными органами. Принципиальный противник всяческих там «крыш», Гринберг потерпел неминуемое поражение, пытаясь доказать государству в лице налоговой полиции свою правоту. Доказал, но его бизнес к тому времени практически уже был угроблен. Будучи типичным выходцем из советской системы и обладая поэтому обостренным чувством справедливости, Гринберг совершенно искренне решил бороться с не-

справедливостью. Во всех ее проявлениях. И создал новый бизнес, самозащищенный и защищающий, — охранный агентский «Альфа».

Впрочем, как и любое охранный агентский, новая структура должна была подчиняться определенным правилам игры, которые диктовало даже не то чтобы государство, а те, кто представлял его интересы. В данном конкретном случае — отдел лицензионно-разрешительной работы областного ГУВД. И подчинялись. До поры до времени.

Более того, до поры до времени «Альфа» считалась в милиции одним из самых приличных охранных агентств Перми. Фирма проводила жесткий отбор сотрудников — с проштрафившимися расставалась немедленно. Более того, публиковала списки неблагонадежных охранников, прошедших через «Альфу» и другие охранные агентства. Плюс к тому «Альфа» даже патрулировала улицы города совместно с городской милицией. Причем по собственной инициативе и совершенно безвозмездно.

Но однажды Гринберг, по-видимому, почувствовал себя слишком самостоятельным. Агентский перестало реагировать на «просьбы» лицензионного отдела о материальной помощи, перестало задабривать кураторов. Более того, на своем сайте в Интернете помимо сведений о неблагонадежных охранниках начало выдавать информацию о криминальных авторитетах Перми и прозрачно так намекать на факты коррупции в Прикамье.

Умные, да? Смелые? Агентский подверглось серии широкомасштабных проверок. Рядовые сотрудники милиции в частных разговорах подтверждали: поступил заказ закопать, дабы другим неповадно было. На кого руку подняли — на Систему!

В ответ Гринберг повел себя еще более бесцеремонно: выставил на сайте материалы о деятельности отдела лицензионно-разрешительной работы ГУВД. О том, например, как начальник этого отдела организовал систему поборов, не чураясь и лично принимать деньги и «подарки». О том, как при попустительстве, вернее, содействии отдела была создана частная фирма, которой разрешили взять на себя некоторые функции милиции. Дальше — больше: сайт обвинил руководство отдела в связях с криминалитетом.

В общем, пошла настоящая война. Самое смешное/грустное, что когда автор этих строк готовил материал о конфликте «Альфы» с милицией для центральной прессы, весьма солидные чины из администрации области и спецслужб признавались — не для печати, — что вообще-то они на стороне Гринберга. Но не по правилам было поддерживать человека, пошедшего против Системы. И Гринберг бился в одиночку.

Невероятно, но факт: Система в итоге дала сбой. Прямой, откровенный до сумасбродства владелец охранный агентский доказал, что даже в условиях тотального преследования можно и должно доказывать свою правоту. Не сломали.

Тем временем предусмотрительный Гринберг решился на еще один неожиданный шаг: приобрел газету «Пермский обозреватель», имеющую репутацию солидного делового издания. Еще одно средство для самозащиты? Нет-нет, — торжественно пообещал новоиспеченный медийный олигарх, — с милиционерами счеты сводить не намерен, разве что уж совсем прижмет.

Как же, проходили мы это... Тем не менее пока учреждение слово держит, хотя газета стала куда зубастее, чем прежде. Плохо ли, хорошо ли — это еще вопрос.

Упорядочение пространства

Кстати, на олигарха Гринберг ну никак не тянет. Секретарши личной не имеет, попыхивает неизменной трубкой, напоминая не то комиссара Мегрэ, не то Шерлока Холмса. Сам заседает в судебных процессах, которых теперь у «Альфы» целая обойма. Увлеченно пытается вникнуть в суть газетной специфики, подходя к делу с мерками капиталистического бизнеса и социальной справедливости. Искренне обижается, когда журналисты прозрачно эдак намекают ему, что по закону учредитель не вправе вмешиваться в текущую деятельность средства массовой информации.

Воюет? Ну, в общем-то, да. Тоже неизменно настроен на борьбу. Очень четко уловив главное — то, что еще один из трубадуров перестройки вещал: газета изначально должна находиться в оппозиции к власти. На то и щука...

Впрочем, масштабы в провинции не те, что в столицах: все проще, по-домашнему, с милой улыбочкой. Только методы — те же. Типа, ты, мужик, чо, не понял? Тебе больше других надо? Смелый, да?..

Владимир Абашев, доктор филологических наук, профессор Пермского университета — с негромким, но очень убедительным голосом, блестящими лекциями и глазами и всегда четко очерченным собственным мнением — сколько себя помнит, занимается организацией окружающей среды. В обыденной жизни, в быту это проявляется банально: Абашев любит порядок, скорее даже упорядоченность, и не терпит суеты и замусоренной земли. В работе, в творчестве, в профессии он выявляет или аккуратно выстраивает связи между явлениями и вовлекает людей, находящихся рядом с ним по духу и пространству, в ближний круг. Тем самым словно бы уплотняя около себя это духовное пространство.

Сложно?

Давным-давно, лет десять назад, филолог Владимир Абашев придумал городской общественный фонд куль-

туры «Юртин». Тогда слово «фонд» еще не было ругательным, а что такое Юртин... Прагматичный романтик Абашев был твердо убежден, что слово — это категория, имеющая, могущая, долженствующая иметь несомненное влияние на умы и сердца людей. Хотя бы в ближнем круге.

Его не устраивала Пермь в том виде, в каком этот город предстал перед его изысканно-взыскательным взором:

— Девяностые годы, когда страна бурно развивалась, открывая для себя новые духовные горизонты, Пермь проспала, гордясь своей стабильностью.

Юртин, в понимании Абашева, — это был такой идеальный город, его город, который он решил сделать не только своим, но общим. По крайней мере, для ближнего круга.

«Идеальный город» развернул нестандартную (идеальную?) издательскую деятельность. Прежде всего — на местном материале. Провинциальная гордыня? Не скажите. Безошибочный вкус и профессиональный подход рафинированного интеллигента-филолога сделали явлением публикацию сборников талантливых пермских поэтов. Шумный успех книги Нины Горлановой «Вся Пермь» инициировал появление нескольких десятков рецензий, в том числе именитых критиков, в том числе в солидных литературных журналах.

Теперь уже не спрашивают, что такое «Юртин», теперь уже не делают изумленно-несведущих глаз при упоминании Горлановой, которая из неперорока в своем отечестве превратилась в модного и настойчиво печатаемого прозаика. Оба стали неотъемлемой частью российского литературного процесса и родимыми пятнами Перми.

Сейчас уже не стоит вопрос, нужен ли в городе памятник Пастернаку. Вопрос лишь в том, каким этот памятник должен быть, кто станет его автором, где он будет находиться.

Еще один издательский проект «Прогулки по старой Перми» послужил основой для одноименного спектакля, который уже зажил своей, независимой от прародителей жизнью и стал, по мнению театральных критиков, визитной карточкой Перми.

В середине 90-х Пермь «вживую» познакомилась с современной российской поэзией. По приглашению юртинцев в городе побывали самые известные и популярные, начиная с Вознесенского и Евтушенко и кончая Кибировым и Слепаковой.

Элитарность?

— Конечно, то, что делает «Юртин», — это не массовая культура. Есть некое творческое инициативное меньшинство со своими бредовыми идеями, которые лишь через некоторое время укоренятся в массовом сознании.

Впрочем, проекты «для всех» тоже имеются в активе фонда. Например, такой игровой и несколько даже вызывающий, как «Пушкин на каждый день»: в канун юбилея классика в пригородных электричках, там, где прежде взгляд уныло скользил по правилам ж/д и т.д., а равно по иным незамысловатым надписям на русском языке, — появились цитаты основателя современного великого и могучего, известные и не очень. Теперь мрачный, затравленный едущий в переполненном вагоне на работу, дачу и прочее пермский обыватель соприкасался с вечным. И, прочтя забытое сразу же после окончания средней школы «На холмах Грузии», задумчиво улыбался чему-то очень личному.

Романтический чиновник эпохи политического прагматизма

Были и другие проекты: «Букер», полученный «Юрятиным» в 2000 году, премии и гранты, публицистические, философские работы самого Абашева, осмысливающего культурный феномен Перми на карте России. Абашев не только организовывал и упорядочивал, он сам строил и создавал новое пространство.

По исследовательским материалам фонда местными кинематографистами был создан цикл фильмов о Перми, выкристаллизовывается мысль сделать фильм о Пастернаке. Готовится к выходу книга ранее не публиковавшихся писем и ранней публицистики Михаила Осоргина.

Волны от «Юрятина», как и положено, расходятся концентрическими окружностями; творческое меньшинство из ближнего круга, попав в резонанс с идеей, становится источником новых волн — дело живет не в вакууме, а в возникшем, созданном, расширяющемся новом информационном пространстве.

Сам Абашев с чувством глубокого удовлетворения и, как он признается, некоторой растерянности размышляет о том, что его проект близится к органическому завершению. Не к логическому концу, нет — «Юрятин» уже больше чем Юрятин, больше чем фонд, он — саморастущий, самосовершенствующийся, саморазвивающийся. Редкий, согласитесь, случай, когда автор может отдыхать от своей наказуемой инициативы.

Абашев отдыхать не может. Он становится заведующим недавно созданной кафедрой журналистики на своем родном факультете и с неукротимым пылом берется за организацию нового информационного пространства. Впрочем, почему нового?

Из пермских историков вырастают толковые журналисты или пламенные трибуны. Сергей Неганов стал чиновником, успев побывать при этом и в шкуре редактора, и в роли борца за демократию.

Итак, он был студентом и музейным работником. Время было самое что ни на есть горячее. Горячее и романтическое. Именно: конец восьмидесятых. Львиную долю его жизненного времени тогда занимала *теория* в отделе советской истории Пермского краеведческого музея, основная тема — «Современная общественно-политическая жизнь». И *практика* в неформальных объединениях сугубо демократического толка, клуб «Диалог», Пермский городской клуб избирателей — первые ростки пермского свободолюбия, вокруг которых начали «кучковаться» партии.

Активный участник демократической тусовки, историк Сережа Неганов ни к какой из партий не примыкал, занимая независимую позицию исследователя и сохра-

няя чистоту эксперимента. В Клубе избирателей, как водится, спектр настроений был самым разнообразным — от фанатов Виктора Цоя до активистов общества «Память». И к тем, и к другим, и к собственно демократам молодой исследователь Неганов относился дружелюбно: «Опасных там не было».

Экзамен на «демократию» пермские демократы, как и вся Россия, проходили в августе 1991-го. В том числе и Сергей Неганов, продолживший свои исследования не только методом включенного наблюдения, но и личного участия. В клубе избирателей стихийно и логично самоорганизовался «Штаб сопротивления». Работы хватало: листовки, митинги — и полная неизвестность впереди. У Неганова расширились глаза, когда на пороге появились поклонники Цоя, традиционно вооруженные баллончиками с краской: «Давайте тексты — мы будем писать воззвания за демократию». Когда вслед за этим в помещение протиснулись широкоплечие мужики из «Памяти», Неганов просто был в шоке: этих-то что подвигло? «Мы тут посоветовались — если на Колыму, так в одном вагоне поедем».

«Если когда-то реально демократия и существовала в России, то именно в эти три дня», — возможно, напишет когда-нибудь Сергей Неганов в своей будущей диссертации.

После путча в Перми начала выходить газета «Пермские губернские ведомости». Сдается, что это была первая частная газета Прикамья. Редактором стал Сергей Неганов. Это был один из многочисленных романтических проектов университетских историков. Договорились «на берегу», что деньги на издание — только за счет собственного бизнеса. Никаких спонсоров, и в силу этого — полная независимость.

Газета просуществовала ровно до либерализации цен образца 1991 года. После которой умерла, так как одного энтузиазма на издание уже не хватало. Неганов, только что закончивший истфак, стал чиновником. Тоже исключительно из романтических убеждений. Ибо тогдашний городской глава (ныне уже, к сожалению, покойный) Владимир Филь осознал необходимость диалога с демократами. Разнопартийные, они чуть было не перессорились, выдвигая каждый своего человека на должность советника мэра по взаимодействию с политическими партиями, движениями, общественными организациями. К счастью, вовремя вспомнили про непартийного Неганова, который по определению должен был внедрять демократию во власть.

Так у Неганова началась *сплошная практика*. Впрочем, мысли о диссертации он не забросил. Более того, при активном содействии городских властей в родном университете, в одном из первых в России, появилась специальность «политология».

Шеф Неганова Владимир Филь — руководитель, состоявшийся еще при социализме, прошедший вместе с горисполкомом самые тяжелые времена с пустыми полками магазинов, продуктами по карточкам и табачными бунтами, был истинным и рьяным хозяйственником, но отнюдь не политиком. «Когда я говорю, что Филь не воровал, мне не верят. Но он действительно не воровал».

Потом Неганов ушел из городской администрации вместе с шефом. Спустя четыре года он работал уже в областной администрации — заведующим отделом.

Теперь — время политического прагматизма. Партии становятся частью государства. Государство и население общаются через партии. «Пермская область в отличие от других регионов оказалась адекватна этому про-

цессу. На смену хозяйственным романтикам пришел прагматичный и харизматичный политик Юрий Трутнев, вполне соответствующий духу времени».

Так или примерно так напишет Сергей Неганов в своей будущей диссертации. А за кадром оставит ненаучную, то есть сугубо личностную оценку своей роли в период политического прагматизма в Пермской области.

— Себя я все-таки отношу к романтикам. Я вышел из того времени. Но не считаю себя старым, чтобы суметь воспринять новую эпоху.

Что ж, понять — это уже наполовину принять.

В Московскую школу политических исследований Неганов попал, наверное, как и все остальные. Случайно и, разумеется, не случайно. Середина 90-х, общение с политиками первого звена, статусными европейскими и американскими личностями, возможность увидеть картину происходящего глазами тех, кто делает политику, увидеть ситуацию изнутри. Но главное — это общение, совершенно уникальная атмосфера, стиль взаимоотношений, какого нигде больше не бывает.

Наверное, он не думал о Школе, вернее не думал, что должно получиться, как в Школе, когда вместе с коллегами и единомышленниками затеял создать Пермскую ассоциацию политических менеджеров. Больше, наверное, думал о том, как бороться с черным пиаром во время выборов. Одно дело — уничтожать виртуального соперника, совсем другое — «мочить» реального, с которым вчера пил чай и обсуждал актуальные проблемы выборного законодательства.

Может быть, тоже романтизм...

Когда напоследок я спросил Неганова, кем он себя все-таки более всего ощущает в данный момент: чиновником, ученым — или?.. тот ответил: «Или...»

— Я не могу себя ощущать в одной ипостаси. Здесь я чиновник, и я стараюсь быть хорошим чиновником. Когда читаю лекции в университете, я преподаватель и стремлюсь быть хорошим преподавателем. То же — когда я был редактором или журналистом. Хотя знаю людей, которые, надев на себя маску чиновника, продолжают оставаться таковыми везде и всегда: и дома, и на работе, и в компании.

Собственно говоря, «то же» — очень романтическое объяснение, не правда ли?

Ода второй древнейшей, или Соответствие идеалам

Даже с учетом той странной ситуации (иные называют ее откатом), в которой оказались нынче средства массовой информации после наступления путинской эпохи (впрочем, это сейчас ее разрешается именовать путинской, а будет ли она называться так в будущем, большой вопрос), нельзя сказать, что со свободой слова в Прикамье — совсем уже никак. Даже с учетом пермской специфики. Специфика, собственно говоря, заключается в том, что пермские власти стали действовать вполне в духе времени и в стиле властей федеральных.

Принято считать, что при прошлом, вернее, уже позапрошлом прикамском губернаторе — Геннадии Игумнове, который вольно или невольно отождествлял себя с президентом Ельциным и действительно был типичным и отнюдь не худшим представителем той эпохи, — так вот, принято считать, что тогда у средств массовой информации свободы было больше.

Что касается федеральных СМИ, это действительно похоже на истину. Достаточно вспомнить, какие разоблачительные материалы, в том числе о самом действующем президенте, проходили в газетах и на телевидении. (Конечно, там были свои игры — но играть все-таки дозволялось.)

О некоей тенденции «закручивания гаек» в отношении медиа-пространства заговорили уже буквально через несколько месяцев после прихода к власти Путина, а последующие события лишь подтвердили эту невеселую тенденцию. Понятно и вполне объяснимо, что преемник Игумнова Юрий Трутнев столь же старательно, как в свое время его предшественник, старался соответствовать времени, старательно примеряя имидж нынешнего президента РФ.

Юрий Трутнев, как в свое время Геннадий Игумнов, подчеркивал ровное отношение ко всем СМИ, не без гордости заявляя, что областная администрация не является учредителем или владельцем ни одного издания, а с тех пор, как телерадиокомпания Т7 стала филиалом ВГТРК, — ни одного электронного СМИ. Тем не менее искреннее желание держать руку на пульсе всех без исключения СМИ области безусловно свидетельствовало об определенной линии поведения если не самого губернатора, то его наиболее преданных соратников.

На первый взгляд областной власти удалось таким образом создать более четкую систему взаимоотношений со СМИ. Те газеты и каналы, которые прежде были, скажем так, лояльны мэру Перми Юрию Трутневу, перешли в лагерь самых верных сторонников губернатора Трутнева. Большинство остальных выстроились в почтительном полупоклоне.

Идя навстречу «пожеланиям снизу», губернская власть организовала централизованное финансирование «районков». С одной стороны, достижение — зависимость СМИ от местных хозяйчиков в лице гор- и райадминистраций ослабела. С другой стороны, появился новый и главный хозяин. Сейчас от 55 до 75% финансовых вливаний, которые распределялись через местные бюджеты, идут через областной бюджет. Кстати, разовый подписной тираж муниципальных газет — 120–150 тысяч экземпляров — значительно превышает совокупный тираж областной прессы.

Более или менее успешно власть попыталась взять под контроль и в принципе никак от нее не зависящие приложения центральных изданий, а таковых в Прикамье немало: «Комсомолка», «МК», «Коммерсантъ», «Российская газета», «АиФ». В связи с этим вспоминается случай с «АиФ-Прикамье», когда не проявившая лояльности к губернатору редактор Галина Вотинова оказалась уволенной, несмотря на апелляции к центральному «АиФ», Союзу журналистов, правозащитникам и даже самому губернатору. Кстати, Галина Вотинова искренне пыталась доказать естественность и даже полезность для властей тех изданий, которые не встраивались бы в общую цепь согласных и были хотя бы частично оппозиционными.

Понятно, что стремление власти навести порядок в своем доме по своему разумению — естественный процесс. И ничего страшного в этом нет, разве что для самого губернатора. Власть без оппозиции слепа, размягчена и рискует стать недееспособной. Это общее место.

Однако при всем при том в области есть СМИ, которые декларируют свою независимость. По крайней мере, от власти. (Конечно, можно много и долго говорить о

свободе и независимости прессы, хотя в последнее время число обсуждающих эту тему явно пошло на убыль.) Предполагая, что все СМИ от чего-нибудь да от кого-нибудь зависят (от хозяина, издателя, учредителя). Только зависимость от власти в данном случае — наихудшая. Если зависимость от издателя или учредителя дает возможность увидеть разнообразие пусть и субъективных взглядов, но в итоге приближает к объективной картинке, то вторая... мы это уже проходили — почитайте газеты 20-летней давности.

Среди условно независимых изданий можно назвать старейшую и до сих пор наиболее популярную «Звезду», уже упоминавшийся еженедельник «Пермский обозреватель», «Деловое Прикамье» и издание Пермского правозащитного центра и Гражданской палаты «Личное дело». Из электронных СМИ — это «Авторадио-ТВ» (независимость канала от власти обусловлена его принадлежностью к мощной лукойловской структуре) и телекомпания «Ветта» — первое частное телевидение на Урале.

Несомненно, попытка навязать губернаторское влияние СМИ — и в духе времени, и в стиле путинско-трутневской концепции взаимоотношений со СМИ. Губернатор, чутко улавливающий и даже предвосхищающий настрой сверху, оказывается на хорошем счету. Ныне Юрий Трутнев — министр природных ресурсов РФ.

Тем не менее система, которая практически уже выстроена на федеральном уровне, вряд ли будет клонирована на региональном, в особенности — на пермском. И этому есть, в частности, три причины.

Первая — те самые прививки. Причем помимо исторических речь идет и о прививках, полученных недавно, — хлебнувший даже глоток свободы вряд ли от нее отка-

жется. Вторая в том, что даже робкая независимость редких островков СМИ дает другим повод подтягиваться к ним, конкурировать. Замечено: после появления «отвязных» материалов, вскрывающих факты, о которых прежде говорить было не принято, «запрещенные» темы начинают разрабатывать даже издания, близкие к «придворным».

И третье. Несмотря на то что журналистика ныне в России — профессия малоценная (речь опять же не о столичных СМИ), она тем не менее самоценная, ибо несет в себе потенциал саморазвития и даже самовоспитания. Все равно российская журналистика вынуждена играть роль поводыря, толкователя, гуру. Когда в процессе самой подготовки материала происходит невольное осмысление новых (или, по крайней мере, популярных среди людей продвинутых) идей, их ассимиляция, хотя бы на время, когда пишется текст, хотя бы на страницах родного издания. Да, при этом существует продажность, есть черно-серый пиар и прочие напасти, но только лишь притворяться передовым и продвинутым — сложно. Работа над отдельным текстом порой настолько захватывает и тащит, что не всегда бывает понятно, что первично: журналист или материал, требующий осмысления.

Разумеется, свойства саморазвития и самовоспитания должны быть присущи и иным институтам гражданского общества, отличие прессы лишь в том, что она всегда первая, у всех на виду.

Процесс: суперагент прокололся вместе с ФСБ, а Пермь спасла Россию от введения цензуры

Кабинет расследований областной газеты «Звезда» сплошь увешан многозначительными документами: повестки для дачи показаний, документы, ксерокопии публикаций...

Мужики доигрались. Обоим — заведующему отделом Константину Стерледеву и корреспонденту Константину Бахареву — светило по четыре года реального срока. За разглашение государственной тайны.

Сыр-бор разгорелся, когда в областной газете «Звезда» был опубликован материал «Суперагент по кличке «Артем»». За подписью этих самых Константинов. В нем рассказывалось об очень странных обстоятельствах ареста наркоторговца Гелия Богданова, осужденного одним из районных судов Перми на 12 лет лишения свободы.

Осудили его еще в 1999 году. Отправили в колонию. А в декабре 2001 года опер, разрабатывавший в свое

время Богданова, увидел его, свободно разгуливавшего по пермскому железнодорожному вокзалу. Удивился. Задержал. Отпустили...

В июне 2002 года наркоторговец вновь задержан в Перми, на этот раз ФСБ — при нем 300 граммов героина и два ствола, один из которых проходит по делу об убийстве. Богданов, сменивший по поддельному паспорту фамилию, заявляет, что он — агент МВД, ФСБ, таджикских и даже израильских спецслужб.

Анекдот! Вот об этом-то и написали журналисты. Через неделю после публикации было заведено уголовное дело о разглашении тайны предварительного следствия и о разглашении государственной тайны. Авторы публикации пригласили в ФСБ и допросили сначала в качестве свидетелей, а потом — и обвиняемых. В редакции был устроен классический обыск с изъятием жестких дисков с компьютеров, разрезанием сейфа и прочими атрибутами боевиков. По странному стечению обстоятельств подобного рода «акции устрашения» почти одновременно прошли в Петрозаводске и в редакции газеты «Версия» в Москве. Случайность?

Закрытый уголовный процесс грозил стать образцово-показательным. «Ну, на срок вас не осудят, но условно — будьте готовы», — сообщили мужикам «по секрету» в ФСБ. Агента сдали. Гостайну разгласили!

Чей агент? По показаниям Богданова в суде, после осуждения на 12 лет его этапировали в Таджикистан за ранее совершенное преступление по запросу таджикской прокуратуры, там же он был амнистирован (?!). По версии источников спецслужб, Богданова после неожиданного освобождения ввели в сеть так называемых агентов сами криминальные круги. При этом «суперагент» сдавал милиции мелких курьеров и торговцев, сам при

этом поставляя крупные партии наркотиков в «родную Пермь». Так «агент» при «выполнении ответственного задания» переправил 16 килограммов героина, из которых в руки органов попало лишь 300 граммов.

Образцово-показательный процесс обернулся фарсом. На нем «агент четырех разведок» признался, что он «грел зоны», поставляя туда героин; адвокат доказал, что обвиняемых журналистов незаконно прослушивали, на них оказывалось давление; попутно выяснилось, что новое уголовное дело в отношении Богданова (это когда его задержали в июне под чужой фамилией) закрыто...

Суперзапутанность дела, заинтересованность ФСБ и молчаливое выжидание местных властей готовили общественное мнение к тому, что мужики конкретно провинились. Твердая позиция редактора «Звезды» Сергея Трушников, не пожелавшего сдавать своих людей, вызвала колебания самой высокой амплитуды и превратила закрытое дело в открытое противостояние между спецслужбами и правозащитниками. Международная Хельсинкская федерация предложила редакции «Звезды» известного питерского адвоката Юрия Шмидта, защищавшего Сергея Никитина; федеральные и зарубежные СМИ, правозащитники взяли дело под свой контроль. Дело разваливалось, как пудинг на лезвии.

Начальник следственного отдела управления ФСБ по Пермской области подполковник Сергей Юдинцев прилюдно пообещал снять с себя погоны в случае оправдательного приговора в отношении журналистов. Ну что ж, Ельцин тоже собирался под поезд лечь...

Дело не пошло. Система снова дала сбой. Журналисты были оправданы за отсутствием состава преступления. На локальном, провинциальном уровне был создан судебный прецедент: журналисты не являются субъек-

тами разглашения государственной тайны, даже если она стала им известна.

Сергей Трушников заявил сразу после процесса, что тема защиты прав человека станет теперь основной в его газете.

А адвокат журналистов Юрий Шмидт, председатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека, поделился с автором следующими соображениями:

— Даже когда я окончательно понял, что юридически невозможно вынести обвинительный приговор, я не был уверен, что суд осмелится пойти на это. Обвинительный приговор означал бы опасный прецедент: фактически введение цензуры. К счастью, был создан прецедент другого рода. Сейчас все журналисты, проводящие расследование, могут повесить этот оправдательный приговор в рамочке над своим столом: свобода печати победила.

Показательный штрих: а вы знаете, чего стоило опубликовать материалы в защиту журналистов «Звезды» прикамским районным газетам «Шахтер» (Гремячинск) и «Вперед» (Октябрьский)? А ведь опубликовали, тогда как многие иные из ветвей власти угрюмо молчали.

Про Ирак и нашу национальную гордость

Наша гражданская гордость очень явственно проявилась во время военных действий с Ираком. Для многих пермяков осмысление этой проблемы началось чуть раньше самих военных действий, когда в Перми побывал посол США в России Александр Вершбоу и выступил на семинаре Московской школы политических исследований с лекцией на тему: «Россия, США и вызовы двадцать первого века». Хотя, наверное, можно было бы перевести ее название, как «вызовы двадцать первому веку».

Из выступления посла становилось ясно, что война будет неизбежна, что России, чтобы подружиться с Америкой, надо поддержать ее в этой войне и, кроме того, выполнить еще ряд условий. По крайней мере, многие семинаристы восприняли это выступление именно так.

Пермь слушала г-на Вершбоу с гостеприимным почтением, но неизменной русской фигой в кармане. Все

прекрасно понимали, что Америка преследует в грядущей войне прежде всего экономические интересы. Правда, самому послу об этом не сказали.

Посол вернулся в Москву, война началась и довольно быстро закончилась. Пермьяки, как и вся страна, были глубоко возмущены действиями цитадели демократизма. В числе возмущенных оказался и автор этих строк, получивший как-то по почте от своего приятеля-земляка письмо-эссе на вышеозначенную тему. Позволю себе процитировать:

Самое гнусное в том, что всю эту гнусность легко объяснить. Объяснить — значит понять. Понять — значит простить.

Например, так. Титаны Возрождения стояли по колено в крови и дерьме многовекового рабства и крепостничества. Без этого не было бы ни Леонардо, ни Колумба. Но сейчас мы не видим их грязных пяток, мы видим их ясные глаза и великие творения. Человечество просто должно было пройти через это. И могучая индустриальная цивилизация началась с уничтожения индейцев и негров, продолжилась английскими работными домами и американской политикой канонерок, бомбардировками Варшавы. Но сейчас мы видим плоды — государство всеобщего благоденствия и Интернет, улыбку Гагарина и след Армстронга в лунной пыли. Говорят, постиндустриальное общество будет славно и сильно своим многообразием. Не будет ни эллина ни иудея, ни WASP'a ни «совка», втиснутых в свои заскорузлые рамки. Будут лишь свободные личности, для которых труд в поте лица своего ради куска хлеба перестанет быть «первой жизненной необходимостью». Но созидание постиндустриала требует временно выстроить всех в шеренгу и заставить действовать по команде. Потом люди не вспомнят, что стройплощадку под здание прекрасного нового мира разравнивали «абрамсами», а котлован рыли фугасами. Надо просто пройти через это.

Или так. Распад одной сверхдержавы создал для другой сверхдержавы уникальные условия единственного слона в посудной лавке. История учит, что однополярный мир — это всегда кратковременное исключение. Отсутствие конкуренции рождает бесконтрольность, бесконтрольность толкает на безрассудство. Но осознает себя Европа, очнется от летаргии ООН, почешет в затылке Россия, возвысится Китай — и все придет в норму. Надо просто через это пройти, потом вместе посмеемся.

Или еще проще. Политика — всегда грязное дело, гуманизма не было, нет и не будет. Можно лишь выбрать меньшее зло, примкнуть к нему и объявить его добром. Победителей не судят. Поэтому не надо с ними и спорить. Надо через это пройти.

Понять — значит простить. Но уже две недели перед глазами стоит видение: бескрайние руины на месте светлого города, неубранные трупы под декабрьским снегом, черным от копоти и крови. Отчаянная съемочная группа CNN работает на «доме Павлова». «Справа слышен заградительный огонь русской зенитной артиллерии... Однако «юнкеры» обходят огневую завесу и сейчас проходят над нами... О черт, они пикируют! Снимай, подними камеру! О черт, бомба пошла на нас...» А где-то вялотекущие обыватели вполглаза поглядывают в телевизор. «Нет, этот Гитлер явно перегнул палку, такие разрушения...» — «Но он же борется с тоталитаризмом! Нельзя, право, в XX веке терпеть эту варварскую азиатскую деспотию. Да, и вы слышали, говорят, у них есть химическое оружие! Нет, нельзя это терпеть в наше время...»

Кто-то, возможно, искренне считает, что через это надо пройти. Но мы через это уже проходили.

А теперь вопрос на засыпку. Кто помнит, кто такой бен Ладен? Он пропал с первых полос газет чуть ли не на следующий день после того, как на кабульский престол американцы возвели Хамида Карзая. И сколько дней теперь нуж-

но будет американцам и всем благовоспитанным обывателям, чтобы забыть Саддама Хуссейна, а вместе с ним и повод для войны?

Ничего, что в полном объеме? Кстати, этот приятель-земляк — известный в Перми ученый-историк Борис Поварницын. Кстати, он недавно защитил докторскую диссертацию на примерно следующую тему: «Национальная политика на постсоветском пространстве глазами Запада». Кстати, диссертацию эту он готовил в том числе в библиотеке Конгресса США, выиграв соответствующий грант. Так что процитированный опус — это не только фраза, но и поступок, не только поза, но позиция.

Полностью разделяя антиамериканский пафос по поводу военных действий в Ираке, нельзя не удивиться одному любопытному сюжету. В самый разгар обсуждений иракского вопроса спецслужбы США обнародовали свои разведданные, свидетельствующие о том, что в свое время именно Америка «приручала» Хуссейна и поддерживала его режим. До тех пор пока тот не отбил-ся от рук.

После того как об этом стало известно цивилизованному миру из уст самой Америки, наш национальный пафос как-то слегка потускнел.

Как чеченец Муса стал террористом

Видели ли вы когда-нибудь плачущего чеченца? Мне ни разу не довелось. До этого случая. Ваха Магомедов, которого все зовут Муса (у него, как у многих чеченцев, два имени), живет в Сиве, маленьком райцентре Пермской области, давно. Пустил корни. Женится на русской. Правда, дочь каждое лето на каникулы возит на родину — в село Гойты Урус-Мартановского района.

Предупреждая возможные вопросы, уточняю, что ни в первой, ни во второй чеченской войне не участвовал.

Он легко сросся с Россией еще и потому, что... очень мягок, добр, интеллигентен. Не пассионарий, если хотите. Ну, просто неудобно, видимо, быть иным с отличным аттестатом и двумя красными дипломами. Нет, наверное, не ангел. Хотя обидное слово «террорист», произнесенное в его адрес, скорее следствие его доброты.

Пришел к нему как-то сосед, попросил: выручи друга, земляка, живущего в соседнем городке Краснокамске. Потому что «земляк», тоже с юга. Дай 20 тысяч взаимы, ненадолго, земляк пытается начать свое дело. Муса дал. Расписки не потребовал: не надо — мы ведь мужчины. Потом земляк попросил еще 20 тысяч. Потом еще 10. Потом пропал.

Муса нашел должника не без труда. И начал с увещаний — мы же мужчины, слово держать надо. «Земляк» обещал исправиться. Много раз обещал. Во время одной из встреч Муса вежливо так произнес:

— Верни, что взял. Я не заберу, дети мои заберут. Подлость не прощается никому.

Скрытая форма угрозы? Голос крови? Может быть.

«Земляк» отреагировал своеобразно:

— Верну — самым дорогим клянусь! Бери сына в залог!

— Еще и сына твоего кормить! — возмутился Муса. —

Да и вообще, на что ты меня толкаешь?

— Нет, забирай.

Муса и согласился: «Мы же мужчины».

Соседям сказал: племянник. Так в семье появился еще один человек.

Материалы уголовного дела (опрос соседей, родителей мальчика) свидетельствуют: парень жил в доме Мусы как свой, как полноправный член семьи. Играл, бегал на улице. Порой даже бедокурил — умудрился, например, попасть в милицию за мелкое хулиганство. В милиции «воспитателю» сделали внушение: следите, мол, за своим чадом. Муса только руками развел: исправимся.

Первое время родные, извините за каламбур, родители беспокоились: как там наш Жамалдин. Позванивали. Одновременно обещая: скоро вернем долг. Потом звонить перестали. Как бы забыли. И про долг, и про сы-

на. Тем более что у них еще четверо — мал мала меньше. А этот накормлен, напоен, в приличном доме живет.

Минуло лето. Как-то 14-летний «племяш» поинтересовался:

— Дядь Муса, я здесь буду в школу ходить?

Дядя вздохнул. Родной отец родного сына пропал окончательно.

Впрочем, родная мать все же появилась. Приехала в сопровождении дальнего родственника. Сообщила, что отец то ли уехал куда-то в Сибирь, то ли оказался в местах не столь отдаленных. Да, приехала, чтобы забрать сына. Разумеется, без денег.

Не успели мать с сыном выйти за порог, как в доме Мусы появились бойцы СОБРа в масках...

СОБР бывал в Чечне и знал, что надо делать с «террористом». Так что подробности лучше опустить. К счастью, вариант «при попытке побега» не прошел.

Мусу «закрыли». К счастью, ненадолго. Потом предложили выйти под залог. Когда выяснилось, что денег таких у него нет, отпустили, взяв подписку о невыезде.

К счастью, все это случилось еще до захвата заложников в ДК на Дубровке. Сомнительное, впрочем, понятие счастья.

Муса, рассказывая о своих мытарствах, сдерживает заблестевшие в глазах слезы:

— В связи с этими событиями не знаю, как у меня теперь все повернется...

Впрочем, концовка этой истории должна и вправду оказаться почти счастливой. Почти благополучной. Дело по статье 126 ч. 1 из «похищения» перекалфицируется в «самоуправство» и передается из прокуратуры в милицию. Есть основания предполагать, что до суда оно в итоге так и не дойдет. А может быть, и дойдет. Потому

что если не дойдет, то тогда прокуратура города Краснокамска должна признать, что задержание было незаконным. А Муса — чеченец.

Правда, уже сегодня в материалах дела есть информация о том, что родители отдали своего сына в «залог» по личной инициативе, что жил он у дяди Мусы вполне благополучно. В заявлении «потерпевшей» матери не отрицается и сам факт долга.

Вопрос Мусе напоследок:

— Если дело будет прекращено, намерены продолжать требовать долг?

С сомнением качает головой:

— Не знаю.

И вдруг добавляет фразу, для себя совершенно неожиданную:

— Зло порождает зло.

Голос крови? Не надо понимать буквально. Можно, например, понять и так: учитель (сосед Мусы) сказал про него в стенах школы: «Террорист». В этой же школе учится дочь Мусы, с которой «залог» жил в одном доме, играл одними игрушками, читал одни книжки. Потом про «террориста» написали в уважаемой областной газете.

А в этой самой школе наверняка приводят такой хрестоматийный пример на уроках биологии: «Чем более развито живое существо, тем больше вероятность его заболевания».

Чем более образован, интеллигентен человек, тем больше вероятность того, что он заплачет, а не возьмет в руки оружие.

Обратите внимание: правоохранительные органы (будем надеяться) выдержали экзамен на гражданскую зрелость, а вот школьный учитель — срезался.

Когда ей исполнилось шестьдесят пять, она поехала в Страсбург

...**В**есной 2001 года автобус высадил на одной из улочек Страсбурга пожилую невысокую женщину в дешевых тряпичных туфлях. В отеле после короткого жестикультивно-мимического диалога по округлившимся глазам «туристки» разгадали состояние ее кошелька и предложили карту города. Так она пешком, волоча свою вечную тележку с документами, добралась до частного пансиона.

С утра пошла искать Европейский суд по правам человека. «Послезавтра все учреждения закрываются на пятидневные пасхальные каникулы. У вас остается один день на подготовку документов...» — сказали ей.

В 92-м Анастасия Баженова начала свой путь в поисках правды с жалобы в Верховный Совет и президенту. Согласно статье 18 Закона «О государственных пенсиях в РФ» № 340-1 работники вредных производств должны получать три с половиной минимальные зарплаты. Но не

получают. Тогда ответа она так и не дождалась. Но не сдалась, словно начиненная взрывоопасным нитроглицерином, с которым имела дело всю трудовую жизнь, работая в Пермском НПО имени Кирова...

Анастасия Павловна месяцами жила в Москве, добиваясь принятия исков, выступая в судах, подавая кассационные жалобы. Ночевала на улице, дожидаясь, когда откроются двери парадных высоких инстанций. В Верховный суд попала только благодаря мужичкам, с которыми подружилась в очереди. Они втащили Анастасию Павловну вместе с тележкой, набитой бумагами, поверх голов орущей толпы.

За всю более чем десятилетнюю историю хождений по судам Анастасию Павловну приняли хорошо только один раз. Заместитель председателя Московского арбитражного суда обнял ее и поцеловала: «Десять таких человек, как вы, смогли бы перевернуть страну». Но помочь ничем не смогла — не принимает арбитраж иски от физических лиц, пусть их даже шестьсот человек, как бывших работников Кировского завода, коллег Баженовой по «вредному несчастью».

Когда Мосгорсуд отказал в очередной раз, Анастасия Павловна поняла: на территории России, называя ответчиками правительство РФ, Пенсионный фонд и Минсоцзащиты, решения в свою пользу ей не добиться. И засобиралась в Европейский суд по правам человека.

Вернувшись из Страсбурга, Баженова решила превратиться из физического лица в юридическое. Может, тогда уважения будет больше? И зарегистрировала общественную организацию «Сибирско-Уральский правозащитный центр содействия международной защите по правам человека». В ее квартирку без телефона приходят пенсионеры — она советует, консультирует. «Лучше

вас никто не знает пенсионного законодательства», — признался ей один чиновник.

Между тем из Европейского суда пришел ответ: дело принято к рассмотрению.

Правда, прежде чем снова ехать в Страсбург, Баженова хочет дать стране еще один шанс на исправление, собираясь — ни много ни мало — обратиться к президенту.

Упрямая? А много вы знаете неупрямых, кому удавалось защитить в нашей стране свои права?

Гражданские переговоры

Как-то так, за повседневностью, будничностью, суетой, абсолютное большинство пермского гражданского населения и абсолютное большинство местного чиновничества не поняли, не заметили, упустили, не осознали, что в Перми происходит нечто действительно очень важное. Правозащитники со свойственной им непосредственностью уже сами окрестили это НЕЧТО «гражданским прорывом».

Между тем еще в 2002 году по инициативе ПРПЦ и пермского «Мемориала» впервые в России состоялись официальные, строго регламентированные и жестко технологичные переговоры власти и общественности, которые завершились конкретным результатом. Тема: «Проблемы военного призыва».

Протокол, список участников — от власти, от общественных организаций, эксперты. Пункты достигнутых соглашений: «По реформированию призывных комиссий в

Перми», «По мониторингу соблюдения прав военнослужащих, проходящих службу на территории Пермской области», «О создании совместной комиссии по проверке условий содержания призывников и военнослужащих в психиатрических больницах», «По созданию консультационного пункта на территории областного сборного пункта»... Подписи: от органов власти и управления — вице-губернатор Валерий Щукин. От общественных организаций, входящих в Пермскую ассамблею, — председатель «Мемориала» Александр Калих.

Нет, вы представляете, до чего дошли — организовать на областном призывном пункте конституционную правозащитную консультацию. Создать комиссию для проверки психиатрических больниц. То есть умудриться проникнуть в самые закрытые для общественных глаз точки, где так легко творить беспредел. И ведь организовали, создали, проникли...

А в 2003-м в Перми не без торжества и помпы состоялась ярмарка общественных проектов — ставшее уже традиционным (опять же с легкой руки пермяков) мероприятие, где власть поощряет, награждает, спонсирует некоторые общественные инициативы. Понятно, что наиболее любя власти те инициативы, которые... ну, не покушаются на нее, не ограничивают. В общем, понятно.

Однако та ярмарка, получившая дополнительное определение «форум», отличалась тем, что на ней прошел целый ряд переговоров, где представители власти и общественности обсуждали вполне реальные, земные проблемы из числа наиболее острых. Эти переговоры, которые так и назвали «гражданскими» (пафосно? зато верно), были нацелены на конкретный результат: разработку соответствующей программы и областного закона, а также определение источников финансирования.

Более того, темы двух переговорных площадок — «На пути к ювенальной (молодежной — А.Н.) юстиции в Пермской области» и «Стимулирование создания и развития товариществ собственников жилья» — были инициированы самой властью. На всех переговорных площадках от власти присутствовали либо вице-губернаторы, либо, как минимум, руководители ведомств.

Помимо шести переговорных площадок на ярмарке проходила еще тыся экспертных конференций, семинаров, круглых столов и прочих проявлений открытого, на равных, диалога власти и общественности.

Еще один плюсики в копилку пермских гражданских организаций (да и власти тоже) — переговороспособность.

А через год — новый форум, и снова — гражданские переговоры, впрочем как уже нечто само собой разумеющееся.

Впервые в России (2-я экспертная оценка)

Вот что поведал по поводу гражданских переговоров один из самых продвинутых вице-губернаторов Пермской области Олег Жданов, брошенный на реформу ЖКХ:

— Хотя переговоры на тему «Стимулирование создания и развития товариществ собственников жилья» предложили мы, площадка была подготовлена не властью, а Пермским фондом содействия ТСЖ (товариществ собственников жилья) и Центром социальных инициатив. Естественно, что договорились мы не по всем обсуждаемым вопросам, но самое главное признали: иной альтернативы, кроме объединения собственников жилья, просто не существует. Принципиально важно — обсудили, что власть официально согласна стимулировать этот процесс. Например, решили средства на капитальный ремонт жилого фонда увязывать с созданием ТСЖ. На мой взгляд, наши переговоры удались.

По мнению участников переговоров, аналогичная картина была и на других площадках. Вот хотя бы о некоторых из них.

О введении гражданского контроля в Пермской области. В результате переговоров между Гражданской палатой, Правозащитным центром, областным обществом инвалидов и областным комитетом социальной защиты, департаментом образования, управлением здравоохранения достигнуто соглашение о постепенном введении на территории Пермской области института общественного контроля интернатных учреждений (детские дома, дома ребенка, интернаты для инвалидов и престарелых, психоневрологические интернаты). На территории Перми и Пермского региона был объявлен полугодовой эксперимент по общественному контролю в интернатных учреждениях. При этом общественные объединения получили право посещать интернаты даже без предварительного уведомления органов власти. За соблюдением соглашения следит специально созданная рабочая группа, состоящая из представителей Пермской ассамблеи и органов государственной власти Пермской области. По словам заместителя председателя областного комитета социальной защиты Надежды Маслохутдиновой, подобная инициатива осуществляется впервые в России.

О подготовке к введению альтернативной гражданской службы. В переговорах приняли участие: от Пермской ассамблеи — общество «Мемориал» и Центр поддержки демократических молодежных инициатив, от органов государственной власти Пермской области — заместитель губернатора Пермской области, военный комиссар области, военный прокурор Пермского гарнизона, руководитель департамента Федеральной службы

занятости по Пермской области... Стороны договорились о проведении мониторинга рабочих мест для альтернативнослужащих, о проведении информационной кампании об альтернативной службе в области, о создании экспериментального класса добровольной подготовки к АГС. Кроме того, договорились о разработке в кратчайшие сроки проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе»».

О создании финансовых гарантий защиты прав участников медицинского процесса (пациентов и врачей). Директор Пермского медицинского правозащитного центра, начальник управления здравоохранения Пермской области, а также депутаты областного парламента договорились о создании областного страхового фонда для финансирования страхования гражданской ответственности медицинских учреждений. Если прежде правозащитные процессы о практике возмещения морального и материального вреда медицинскими учреждениями тянулись сколь угодно долго и заканчивались мизерными суммами, которые по определению бедная медицина и так не знала откуда брать, то теперь создан механизм, гарантирующий и медикам, и пострадавшим пациентам, и недоумевающим судам справедливое рассмотрение дела. Кстати, фонд планируется создать за счет областного бюджета. Руководитель Медицинского правозащитного центра Евгений Козьминых утверждает, что ничего подобного в России еще не было.

Неужто власть и вправду готова повернуться лицом к нуждам, требованиям, чаяниям общественности?

Вице-губернатор Олег Жданов стал первым из чиновников, кто ответил на вопросы небольшой анкеты, подготовленной автором этих строк в надежде нащу-

пать, на какой стадии строительства гражданского общества мы находимся. Из уважения к смелости имеет смысл привести ответы вице-губернатора отдельно от общего и анонимного списка. Итак:

1. Созрело ли пермское общество до того, чтобы называть его гражданским? Способно ли оно к саморазвитию без каких-либо толчков извне?

— Скорее да.

2. Созрела ли губернская и городская власть до умения вести внятный диалог с общественными движениями?

— Да. В основном да. Понятно, что есть люди, которые до этого никогда не созреют. Но по крайней мере руководство, я думаю, к этому готово.

3. Готов ли бизнес Прикамья поддерживать гражданские инициативы?

— Готов.

4. Зависит ли от вас положительное решение вышеперечисленных вопросов?

— Что касается той темы (о реформе ЖКХ — А.Н.), которая обсуждалась на нашей площадке, — разумеется. Причем зависит это даже больше от позиции, от вектора направленности, чем от конкретных действий.

Провинциальный реализм: Детский проект

Публицистическо-философские идеи, высказанные Аверкиевым и Маковецкой на романтическом интернетном сайте «Отличная страна» (помните: www.stanem.ru?), не пропали даром. Та самая Пермская ассамблея, которая объединила десять наиболее продвинутых гражданских образований Перми, начала цикл гражданских дискуссий: о депривинциализации России, об имидже региона, о взаимодействии общественности и власти... Материалы дискуссий тоже не остаются втуне — они востребованы, властью в том числе. Порой это только попытка осмысления проблемы, иногда — руководство к действию, когда-то — предупреждение власти.

Пермская ассамблея, как замечают сами ее участники, обладает значительно большим потенциалом, большим весом, нежели каждый из ее участников. Неизмеримо возрос и уровень договороспособности общественности.

Один из наиболее ярких проектов ассамблеи — Детский проект. Начинаясь он с проведения широкомасштабного исследования приютов и детских домов — этой государственной отрасли детского призрения. Выводы были насколько очевидными, настолько и обескураживающими. Лишь десять процентов тех, кто выходит из системы детских интернатных учреждений, адаптируются к жизни. Остальные уходят в преступность, бомжевание, пропадают и выпадают из жизни.

Несмотря на значительные государственные вложения, несмотря на то что в системе зачастую трудятся настоящие подвижники, это не что иное, как детская казарма, пусть даже переполненная благими пожеланиями.

А если система не работает, ее надо изменить. Причем в корне. Выход — патронатные (или приемные) семьи.

Предложение к властям: превратить детские дома в центры патронатной семьи, в которых семьи будут находить «своих» детей, проходить обучение, зачисляться в штат, получать деньги на содержание (а может быть, это даже можно назвать зарплатой). Идея, в принципе, не совпала с видением проблемы властью, однако по зрелом размышлении была принята, получила название «Реформа региональной системы защиты детей-сирот» и начала претворяться в жизнь.

Параллельно при активном участии молодежного «Мемориала» разворачивается общественная кампания за соблюдение прав детей. И снова солидное исследование, проведенное ВЦИОМом специально для Пермской области. Основная проблема — насилие, как в семье, так и в школе. При этом 25% родителей считают насилие (наказание) одним из методов воспитания. И если на физическое насилие еще обращается какое-

то внимание (Правозащитный центр даже оказывал юридическое сопровождение судебного процесса по иску родителей первоклассника, которого ударила учительница), то психологическое просто никто не замечает. Кроме самого ребенка. И снова — обширная программа действий, согласованная с областной администрацией на уровне вице-губернатора и управления образования.

И еще несколько субпроектов в рамках общего мегапроекта. Создание клуба (центра) выпускников детских домов, куда мог бы прийти выпускник детского дома за медицинской, юридической и иной помощью, для получения хозяйственно-бытовых навыков. Введение института уполномоченного по правам ребенка, а также разработка и лоббирование соответствующего законопроекта, проведение парламентских слушаний о соблюдении прав ребенка на территории Пермской области. И еще: просветительская программа для учителей, проведение мониторинга соблюдения прав ребенка в образовательных учреждениях Прикамья, создание общественной приемной по правам детей, детский кинопроект, мастер-классы художников, поэтов и музыкантов в детских колониях и спецшколах...

Как знать, быть может, плодотворная дебютная идея Пермской ассамблеи могла бы стать если не национальной, то, по крайней мере, региональной идеей.

Смена ритма (3-я экспертная оценка)

Вы слышите? Сквозь победный голос фанфар пробивается партия саксофона. Все-таки как же у нас с гражданским обществом и правами человека?

Ну, во-первых, не стоит идеализировать власть. Она и в Центре, и в продвинутой Пермской области такая, что ее принято поддерживать почти безоговорочно. В этом смысле очень показательна роль средств массовой информации, которые вполне адекватно отражают и роль власти, и роль общественности. Когда губернатором Прикамья стал молодой и энергично-прагматичный Юрий Трутнев, большинство СМИ как-то так тщательно, если не сказать подобострастно, выстроились перед его губернаторскими очами. Синдром Путина. И Путина, и Трутнева (и преемника Трутнева — Олега Чиркунова, кстати в прошлом — офицера спецслужб) боятся так, на всякий случай. Они же сильные. Даже если ре-

альной угрозы пока не было. Хотя отчего же — кое-где и была. И претворялась.

Безусловно, и сам губернатор, и его «вице» «отыгрывают» пермский форум на «пятерку». Но ведь надо понимать, что это мероприятие должно было стать и стало образцово-показательным, несмотря на то что реально у власти и общественности разные мотивы и интересы.

Во-вторых, не надо идеализировать общественность и то самое формирующееся гражданское общество. Снова показательный пример с прессой. Автор не проводил полного мониторинга, подготовленных коллегами материалов по поводу ярмарки-форума. Но из тех, что видел и читал — а их было никак не менее десятка — ни в одном не нашел даже упоминания о так называемых гражданских переговорах. Вот тебе и достижение, вот тебе и «гражданский прорыв». Попросту не заметили. Не придали значения.

Узок, все еще узок круг этих «революционеров». И по-прежнему страшно, что все еще «далеки они от народа». А если вдруг сгинут, уйдут, переедут те единицы, которые поддерживают высокий уровень пермской гражданской активности собственным горением, будет ли им замена? Даже самые оптимистичные из них считают, что не набрана еще та критическая масса, когда гражданское общество может само себя поддерживать в этом состоянии.

Ну, а теперь итоги нашего исследования. Любопытно, что при ответах на вопросы упомянутой анкеты представители власти оказались куда более оптимистичным, чем ярые общественники. Хотя, если вдуматься, тоже закономерно: чем дальше в лес, тем больше бу- релома.

Ответы представителей власти*

Вопросы	Варианты ответов				
	да	нет	в осн. да	в осн. нет	затр. ответ.
Созрело ли пермское общество до того, чтобы называть его гражданским? Способно ли оно к саморазвитию без каких-либо толчков извне?	1	3	3	0	0
Созрела ли губернская и городская власть до умения вести внятный диалог с общественными движениями?	4	0	2	0	1
Готов ли бизнес Прикамья поддерживать гражданские инициативы?	1	2	3	1	0
Зависит ли от вас лично положительное решение этих вопросов?	4	0	3	0	0

Ответы общественности**

Вопросы	Варианты ответов				
	да	нет	в осн. да	в осн. нет	затр. ответ.
Созрело ли пермское общество до того, чтобы называть его гражданским? Способно ли оно к саморазвитию без каких-либо толчков извне?	0	5	3	4	0
Созрела ли губернская и городская власть до умения вести внятный диалог с общественными движениями?	3	0	6	3	0
Готов ли бизнес Прикамья поддерживать гражданские инициативы?	1	3	2	5	1
Зависит ли от вас лично положительное решение этих вопросов?	1	1	3	4	3

* В основном тех, кто участвовал в форуме, в том числе вице-губернаторов. Опрошено 7 человек.

** Представители ПРПЦ и Пермской гражданской палаты. Опрошено 12 человек.

Финал, или Продолжение следует

Нет, обольщаться не стоит. Никакая Пермь не столица. И не может быть столицы у гражданского общества, не нужна она ему, не нужны и неведомы должны быть гражданскому обществу сложноподчиненные отношения, диктуемые полярностью «центр — провинция».

Пермь — не столица, но — некий эпицентр новаций, с одной стороны. С другой же, «столичность» — удобный статус для продвижения области к демократии и становления гражданского общества.

Несомненные достижения и в какой-то мере открытия «Пермского периода» в развитии гражданского общества таковы: движение в сторону власти с обязательным условием и умением договариваться, работа с молодежью и на молодежь, работа с детьми, формирование новой либеральной элиты в провинции.

Но при этом даже географическая неравномерность в степени развития гражданских институтов в масшта-

бах страны на примере отдельно взятой области не позволяет сделать обескураживающий вывод: мол, у нас тут в Прикамье гражданское общество уже построено (или построено в основном), а в некоей Тмутаракани никаких проблесков.

Принципиально реконструируя суть «средней температуры по больнице», хочется заявить: для того чтобы общество получило право называться гражданским, оно действительно должно достичь определенной критической массы либеральных ценностей, позволяющей гарантировать воспроизводство и самовоспроизводство этих ценностей, их неуничтожимость. Да — нужна некая общая, но обязательно нормальная для всех температура, без достижения которой не имеет смысла говорить о здоровом или даже просто не рисковом состоянии всех пациентов без исключения.

О том, какова нынче в стране температура, порассуждать очень даже хочется, но перепады ее пока так резки и порой так неожиданны. Температура скачет, пока обдумывалась композиция настоящего исследования, шел сбор материала, пока пишется-сочиняется... И даже некое пермское благополучие на этом фоне мало успокаивает. Так что, кто сейчас определит, какова у нас средняя температура: то ли температура продолжающегося таяния льда, то ли замерзания воды?

Вопросы с ответами и без

Это уже постскрипtum. Вопросы, которые не умещались в формат повествования, но кажутся автору крайне важными. На какие-то из них можно попытаться ответить прямо сейчас, по поводу иных просто пожать плечами, ответы на третьи перенести туда, где будет построено, создано, воссоздано то, что мы здесь называли гражданским обществом.

— *Готов ли бизнес Прикамья поддерживать гражданские инициативы?*

— Что-то сомнительно. На состоявшейся ярмарке-форуме был запланирован аукцион нескольких социально значимых проектов, которые не оказались в числе победителей собственно конкурса. Аукцион с треском провалился — ни один лот не вызвал никакого интереса у собравшихся. Понятно, что любые мероприятия надо готовить: рекламу там, организацию... Но бизнес, резонно размышляя, что все идеи все равно не реализо-

вать, далее обычно рассуждает так: а что мне за это будет? Ну, реклама там хотя бы...

— *Почему большинство так называемых гражданских, общественных, негосударственных организаций в России живут на западные гранты? Не обидно? Не опасно?*

— Обидно, да. Хотя с точки зрения Запада это легко объясняется стремлением к безопасности самого Запада. Ему хочется иметь предсказуемого соседа с теми же ценностями и с теми же уже проверенными демократическими, либеральными, гражданскими институтами, что и у него. Правда, при этом Западу невдомек, что даже в гражданском движении у России может быть свой путь. Кстати, похоже, что после американо-иракского конфликта, по отношению к которому у России оказалось свое особое мнение, похоже, что поток грантов — по крайней мере со стороны США — значительно оскудел. Своеобразное понимание гражданского общества в самой демократической стране мира, не так ли?

— *Имеет ли смысл говорить о реальных предпосылках построения гражданского общества при нынешнем уровне жизни в России?*

— Маловероятно. Большинство еще не настолько сыто, чтобы отвлекаться на иные дела, не связанные с заработком.

— *Что все-таки важнее: капитализм, постиндустриальное общество или гражданское?*

— Наверное, все три состояния одновременно. Одно без другого не получится.

Содержание

Пермь как текст	7
Назад к капитализму	11
Исключительное неисключение	14
Рутинное ноу-хау	16
Пермь — столица нашей родины (1-я экспертная оценка) ..	19
Разгосударствление мысли	22
Три прививки	24
«Пермь-36», или Воспоминание об аде	27
Стратегия «Мемориала»	33
Свой путь	37
Эскалация деятельности	40
Текучки и скандалы.....	42
Не променивать свободу на безопасность, или Средство от жестокости	46

Первые итоги	51
Провинциальные романтики	55
Бизнес и власть: на пути непонимания	62
Бизнес и гражданское общество:	
православный крест в стиле «Ротари»	66
Медицинский правозащитный	69
Деструктивный элемент	74
ЧОП борется за чистоту милицейского мундира	79
Упорядочение пространства	83
Романтический чиновник эпохи	
политического прагматизма	87
Ода второй древнейшей, или Соответствие идеалам	92
Процесс: суперагент прокололся вместе с ФСБ,	
а Пермь спасла Россию от введения цензуры	97
Про Ирак и нашу национальную гордость	101
Как чеченец Муса стал террористом	105
Когда ей исполнилось 65, она поехала в Страсбург	109
Гражданские переговоры	112
Впервые в России (2-я экспертная оценка)	115
Провинциальный реализм: Детский проект	119
Смена ритма (3-я экспертная оценка)	122
Финал, или Продолжение следует	125
Вопросы с ответами и без	127

Никитин Андрей

**Пермь — родина
российского
либерализма**

Дизайн серии С. Кочетковой

Корректор В. Фрадкина

Компьютерная верстка О. Козак

**БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Серия КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

Родрик Брейтвейт

За Москвой-рекой

Перевернувшийся мир

Сэр Родрик Брейтвейт (род. 1932)

возглавлял британскую дипмиссию в Москве в 1988-1992 годах, был свидетелем, а порой и участником ключевых событий в стране накануне, во время и после второй, по его выражению, революции в ее истории.

- Каковы причины распада "советской империи" и краха коммунистических иллюзий?
- Могла ли Россия избежать политического и экономического коллапса после падения советского тоталитарного режима?
- Кто они, главные действующие лица исторической драмы, каковы мотивы их действий или бездействия, личные свойства, амбиции и интересы?
- В чем, собственно, "загадка русской души", и есть ли у России особая миссия в истории или она обречена подчиниться императивам глобализации?
- Способны ли русские построить гражданское общество и нужно ли оно им?

Отвечая в своей книге на эти и другие вопросы, автор приходит к принципиально важному заключению: "русские, несмотря на свое глубокое недовольство тем, как дела идут сегодня, не видят смысла в возвращении к прошлому...", "Россия может надеяться создать жизнеспособную политическую и экономическую систему.

Это будет русская модель демократии, существенно отличающаяся от американской или даже от европейской модели".

Формат 135×205 мм, переплет, 552 стр.

Спрашивайте книгу в магазинах!
По вопросам оптовой закупки обращайтесь
по тел. (095) 937-76-10; e-mail: lion13@mol.ru

Подписано в печать 27.07.04

Бумага офсетная. Гарнитура Прагматика.

Формат 84х108/32. Печ. л. 4,25.

Тираж 1000. Заказ №

Московская школа политических исследований

121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44/2, комн. 22

E-mail: msp@co.ru

<http://www.msp.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000

**БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Клас Эклунд

Наша экономика
Введение в макроэкономику

Почему нужна
МАКРОЭКОНОМИКА?

Потому что она

*сокращает путь к принятию оптимальных управленческих
решений в экономике и уменьшает вероятность ошибок;*

Потому что она

адекватно отвечает на такие актуальные вопросы, как

- Возможен ли компромисс между «олигархами» и властью?
- Почему рост ВВП страны не обязательно ведет к благосостоянию ее населения?
- Для чего нужна конкурентоспособность?
- Надо ли «отбирать» у богатых, чтобы не было бедных?
- Что хуже — низкая инфляция или высокая безработица?
- Насколько действительно опасны дефицит госбюджета и государственный долг?
- Как привлечь деньги в регион?
- Какая связь между здоровьем президента и валютным курсом?

*и на другие вопросы повседневной экономической жизни
любой страны.*

Уникальная книга

шведского профессора, одного из ведущих мировых экспертов по макроэкономике, позволяет преподавателям, студентам, бизнесменам, политикам, представителям СМИ, а также всем, кто испытывает в этом потребность, расширить знания о ключевых процессах, происходящих в странах с рыночной экономикой, их взаимосвязь, динамику и влияние на благосостояние людей.

Формат 140×210 мм, обложка, 528 стр.

Спрашивайте книгу в магазинах!

По вопросам оптовой закупки обращайтесь по тел. (095) 937-76-10; e-mail: lion13@mol.ru

*Получить информацию об изданиях
Московской школы политических исследований
Вы можете на сайте Школы:*

www.msps.ru

ISBN 5-93895-059-7

9 785938 950597 >